

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3 (43)
2024** ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-86391 от 11 декабря 2023

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2024

Корректор

О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета

Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 27.02.25

Заказ № 15140

Выход в свет 23.04.2025

Бесплатно

Формат 70×108/16

Усл. печ. л. 11,39

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано с готового

оригинал-макета

в типографии ООО «Аркаим».

600017, г. Владимир, ул. Кирова, 14 Г

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института ВлГУ (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ (зам. главного редактора серии)
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>А. Ю. Бендин</i>	доктор ист. наук, профессор кафедры бого- словия Института теологии БГУ (Беларусь)
<i>И. Деретич</i>	доктор философии, профессор кафедры фило- софии Белградского университета (Сербия)
<i>М. П. Жигалова</i>	доктор пед. наук, профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Беларусь)
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой исторического регионоведения СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
<i>Ж. В. Латышева</i>	доктор филос. наук, доцент зав. кафедрой ЖРСО ВлГУ
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор ректор МПГУ
<i>А. В. Марков</i>	доктор филол. наук, профессор профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ
<i>Н. М. Маркова</i>	кандидат филос. наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
<i>С. А. Мартынова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии ВлГУ
<i>Ю. Г. Матушанская</i>	доктор филос. наук, профессор профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России МПГУ
<i>С. С. Новиков</i>	доктор ист. наук, доцент профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка ВлГУ
<i>Л. В. Рацибурская</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени ГУП
<i>В. В. Сердечная</i>	доктор филол. наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ
<i>А. С. Тимошук</i>	доктор филос. наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
<i>Т. Е. Шаповалова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГУП
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент доцент кафедры истории России ВлГУ (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. С. Коваленко

Личностный подход в регионоведческих исследованиях:
майкопский купец 2-й гильдии Алексей Анисимович Кучин 5

А. Ю. Кожевников

Творческий путь и окружение историка: размышления о сборнике
в честь 75-летия профессора С. Т. Минакова 26

А. В. Ляпанов, Э. Ф. Ибрагимова

Историографический обзор развития пенитенциарной системы
России XIX столетия 31

В. В. Митрофанов

Деятельность «ЖМНП» во второй половине 1892 г.:
деловая переписка В. Г. Васильевского с С. Ф. Платоновым 37

И. Н. Сулоев

Участие костромских иконописцев в росписи храмов и монастырей
в 1656 – 1691 гг. 57

ФИЛОЛОГИЯ

А. В. Марков

Созерцание леса в книге Владимира Солоухина «Третья охота» 72

ФИЛОСОФИЯ

М. С. Лютаева, С. С. Белижинский

Анализ понятия «чудо» в иудейской религиозной культуре 80

А. С. Тимошук, О. В. Захарова

Традиционная регулятивная система древнеиндийского общества:
мифопоэзис и конкуренция нарративов 88

Сведения об авторах..... 97

CONTENTS

HISTORY

N. S. Kovalenko

Personal Approach in Regional Studies:

Maikop Merchant of the 2nd Guild Alexey Anisimovich Kuchin 5

A. Yu. Kojevnikov

The Creative Career and Entourage of the Historian: Reflections on the Collection
in Honor of the 75th Anniversary of Professor S. T. Minakov 26

A. V. Lyapanov, E. F. Ibragimova

Historiographical Overview of the Russian Penitentiary System Development
in the 19th Century..... 31

V. V. Mitrofanov

The Activities of the “Journal of the Ministry of Public Education” in the Second
Half of 1892: Business Correspondence Between V. G. Vasilevsky
and S. F. Platonov 37

I. N. Suloev

The Participation of Kostroma Icon Painters in Temples and Monasteries Painting
in 1656 – 1691 57

PHILOLOGY

A. V. Markov

Contemplation of the Forest in Vladimir Soloukhin's Book “The Third Hunt” 72

PHILOSOPHY

M. S. Lyutaeva, S. S. Belizhinsky

Analysis of the Concept of «Miracle» in Indian Religious Culture 80

A. S. Timoshchuk, O. V. Zaharova

Traditional Regulatory System of Ancient Indian Society:
Mythopoesis and Contest of Narratives..... 88

Information about the authors 97

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОДХОД В РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: МАЙКОПСКИЙ КУПЕЦ 2-Й ГИЛЬДИИ АЛЕКСЕЙ АНИСИМОВИЧ КУЧИН

В предлагаемой статье на основе личностного подхода и широкого круга архивных и опубликованных источников реконструируются жизненные обстоятельства наиболее известного из дореволюционных предпринимателей станицы Ярославской Майкопского отдела Кубанской области, купца 2-й гильдии Алексея Анисимовича Кучина. Автор опровергает существующий в краеведческой традиции тезис о казачьем происхождении данного человека, устанавливая его изначальную принадлежность к сословию государственных крестьян Владимирской губернии. С помощью документов определяется точная дата рождения А. А. Кучина, называются возможные причины и очерчиваются временные рамки его эмиграции в Закубанье. Освещаются вопросы, связанные с получением Алексеем Анисимовичем купеческого свидетельства, его торгово-промышленной специализацией, положением в станичном социуме. При рассмотрении предпринимательской деятельности Кучина в научный оборот впервые вводятся документальные сведения по истории предприятий, владельцем которых он являлся. Настоящая публикация может быть полезна, в первую очередь, профессиональным историкам, исследующим аграрные переселения из Центральной России на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX – начале XX в. и в частности проблемы адаптации мигрантов к условиям региона вселения. Также её потенциальная аудитория включает сотрудников архивных и музейных учреждений, преподавателей, студентов и всех тех, кто интересуется жанром научной биографии.

Ключевые слова: биографика, региональная история, Алексей Анисимович Кучин, купечество, маслобойное производство, предгорная Кубань, Майкопский отдел, станица Ярославская, иногородние.

Среди дореволюционных предпринимателей станицы Ярославской (ныне в Мостовском районе Краснодарского края) на первом месте по количеству упоминаний в историко-краеведческих и мемуарных изданиях находится торговец и промышленник Алексей Анисимович Кучин [2; 19; 69; 71]. Вместе с тем необходимо при-

знать, что, несмотря на свою относительную известность для широкого обывателя, этот человек по-прежнему является одним из наименее изученных деятелей региональной истории. Авторы, писавшие о досоветском прошлом станицы Ярославской во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., не были профессиональными историками.

Как правило, они ограничивались простой констатацией факта существования Кучина, оставляя за скобками его происхождение, время водворения в Закубанском крае, условия первоначального накопления капитала, роль в местной общественной жизни, обстоятельства смерти. Предпринимательская деятельность Алексея Анисимовича, в свою очередь, описывалась предельно кратко и карикатурно, поскольку информация о ней черпалась не из документальных источников, а из рассказов мало осведомлённых старожилов и в силу этого носила во многом анекдотичный характер¹.

Вот что писал об Алексее Анисимовиче в своём очерке, посвящённом 100-летию станицы Ярославской, учитель истории и краевед Н. И. Харченко: «Известный в округе богатей Кучин происходил из зажиточной казачьей семьи, стал купцом первой гильдии. Только в станице Ярославской он имел огромный двухэтажный

дом (сейчас в нём размещается районная больница), магазин, мельницу, крупные склады для хранения скупленного у крестьян зерна» [71]. Может возникнуть впечатление, что перед нами краткая, но при этом вполне объективная характеристика. На самом же деле целый ряд её положений не выдерживает проверки источниками. Во-первых, А. А. Кучин в действительности являлся майкопским купцом 2-й гильдии, а не 1-й [3, л. 62об.; 5, л. 5об.; 47, с. 229; 63, с. 552]. Во-вторых, никаких казачьих корней у него не было. Это удалось установить благодаря обнаружению в метрической книге Сергиевской церкви станицы Ярославской за 1881 г. записи о том, что 20 апреля Алексей Анисимович выступил поручителем при венчании запасного рядового Г. И. Лемешонка и дочери смотрителя почтовой станции Е. Т. Колесниковой. Данная запись содержит прямое указание на истинное происхождение Кучина, который фигурирует в ней не как купец, а как крестьянин деревни Кисляково (ныне деревня в Ковровском районе Владимирской области) Ковровского уезда Владимирской губернии [4, л. 60об., 61]. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. переселенцев из обозначенного региона в Майкопский отдел Кубанской области прибывало сравнительно немного. Родиной большинства оседавших здесь иногородних, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., являлись такие губернии, как Воронежская, Екатеринославская, Курская, Полтавская, Саратовская, Харьковская

¹ На современном этапе развития региональной историографии ситуация с изучением биографии А. А. Кучина не улучшилась. Случаи упоминания этого предпринимателя в работах профессиональных историков единичны. Например, Е. М. Багаева в своём диссертационном исследовании, посвящённом торгово-промышленной деятельности на Кубани в 1861 – 1917 гг., при анализе особенностей развития в регионе маслобойного производства приводит сведения о заводе Алексея Анисимовича в станице Ярославской. Ссылаясь только на справочник Л. К. Езиоранского, учёный относит открытие данного предприятия к 1897 г., игнорируя то, что в целом ряде других подобных изданий представлена иная датировка этого события [18, с. 131]. Аналогичные разночтения источники обнаруживают по вопросу о числе рабочих на маслобойне Кучина, её технического оснащения и производительности, но эти проблемные моменты Е. М. Багаева в своей работе также никак не комментирует.

и Черниговская, а также Область войска Донского [1].

В ходе дальнейших исследований выявились обстоятельства, которые на некоторое время заставили нас поставить под сомнение факт рождения нашего героя в деревне Кисляково. Дело в том, что в ярославских метриках за 1882 г. имеется запись, сообщающая о том, что 13 сентября Алексей Анисимович принял от купели сына крестьянина Рязанской губернии И. Я. Гринина. В ней малой родиной Кучина было названо село Малышево (ныне село в Ковровском районе Владимирской области), которое, подобно деревне Кисляково, в изучаемый период относилось к Ковровскому уезду Владимирской губернии [4, л. 145об., 146]. Пытаясь разобраться в вопросе, откуда именно в станицу Ярославскую прибыл человек, ставший впоследствии одним из самых состоятельных её жителей, мы обратились к такому источнику, как «Список населённых мест Владимирской губернии». Это позволило нам открыть для себя следующее: деревня Кисляково, располагавшаяся в девяти вёрстах от уездного города и имевшая, по сведениям на 1896 г., 315 жителей обоего пола, входила в состав Малышевской волости. При этом населённый пункт Малышево, в котором находилось волостное правление, к концу XIX в. являлся деревней, а не селом [61, с. 79, 109]. Иными словами, в ярославских метриках при определении типа данного поселения была допущена неточность.

Установив вышесказанное, мы предположили, что на самом деле А. А. Кучин был выходцем из деревни

Кисляково, но в ряде материалов вместо неё был ошибочно указан центр той волости, к которой она относилась. Поиски точного ответа на вопрос, чем была обусловлена такая путаница, затруднялись отсутствием соответствующих источников и первоначально были безрезультатными. Тем не менее мы всё более склонялись к тому, что церковнослужитель, вносивший в метрическую книгу станицы Ярославской за 1882 г. запись от 13 сентября (о рождении и крестинах Никиты Гринина), стремился сэкономить время (а может быть, и бумагу) и поэтому, назвав губернию, уезд и волость Кучина, не стал утруждать себя указанием его родной деревни. Впоследствии данные предположения подтвердились.

Поставить окончательную точку в вопросе о происхождении нашего героя позволили документы Государственного архива Владимирской области. Согласно материалам 10-й ревизии государственных крестьян, в деревне Кисляково (Кислякова, Кисляковой) Малышевской волости Ковровского уезда Владимирской губернии по состоянию на 19 апреля 1858 г. проживали вместе с семьями три родных брата Кучиных, младшего из которых звали Анисим Егорович. Исходя из того, что на момент проведения переписи этому человеку было 37 лет, нетрудно вычислить, что он появился на свет около 1821 г. [23, л. 851об.]. Аналогичным образом определяется примерное время рождения супруги Анисима Егоровича. По состоянию на 19 апреля 1858 г. Марье Ивановне (её девичья фамилия не установлена) было

32 года, что означает, что она родилась приблизительно в 1826 г. [23, л. 852].

В соответствии с именным указом Николая I от 19 июля 1830 г. православным священникам запрещалось проводить венчания, если жених и невеста были младше 18 и 16 лет соответственно [51]. Анисим Егорович, родившийся, как отмечалось выше, около 1821 г., достиг требуемого для женитьбы возраста примерно в 1839 г., а для Марьи Ивановны, которая была приблизительно на пять лет младше его, брачное совершеннолетие наступило не ранее 1842 г. Последняя дата служит нижней границей того временного промежутка, в пределах которого состоялось венчание интересующих нас лиц. За верхнюю же рубежную точку можно принять 1847 г., когда, как следует из материалов 10-й ревизии, появилась на свет старшая из дочерей Анисима Егоровича и Марьи Ивановны – Матрёна¹ [23, л. 852].

Акцентирование внимания на А. Е. и М. И. Кучиных связано с тем, что именно эти люди подарили жизнь нашему герою. Согласно ревизской сказке государственных крестьян деревни Кисляково от 19 апреля 1858 г., Алексей Анисимович Кучин родился в четверг 5 февраля 1853 г.², в день, ко-

гда Русская православная церковь вспоминала мучениц Агафию Панормскую (Палермскую) и Феодулию Аназарвскую [23, л. 851об.; 30, с. 8]. Для выяснения даты крещения и имён восприемников будущего купца потребовалась работа с метриками Казанского храма села (погоста) Плесец (ныне часть села Малышево Ковровского района Владимирской области), прихожанами которого, как явствовало из исповедной ведомости 1855 г., были Кучины [25, л. 885]. В результате этих изысканий было установлено, что крещение Алексея Анисимовича состоялось в тот же день, когда он появился на свет. Люди, ставшие его крёстными родителями, в церковной книге были указаны без фамилий («Той же деревни [Кисляково] крестьянин Василий Николаев, и девка Евгения Егорова»), но с помощью материалов 9-й ревизии деревни Кисляково нам удалось идентифицировать их как Василия Николаевича Штылетова и Евгению Егоровну Швецову³ [24, л. 423об., 424]. Также можно признать бесспорным, что наречение нашего героя Алексеем было обусловлено тем, что ровно через неделю после его рождения, 12 февраля, в РПЦ отмечалось преставление святителя Алексия, митрополита Московского [30, с. 8].

На момент проведения 10-й ревизии, которой было суждено стать последней в истории Российской империи, Алексей Анисимович был самым младшим ребёнком своих родите-

¹ На предмет времени рождения А. Е. и М. И. Кучиных в архивных источниках существуют разночтения. Согласно исповедной ведомости Казанской церкви села Плесец Ковровского уезда за 1855 г., родители нашего героя были ровесниками и появились на свет около 1821 г., а их дочь Матрёна родилась примерно в 1846 г. (См.: [25, л. 885]). Если эти сведения достоверны, то брак Анисима Егоровича и Марьи Ивановны должен был быть заключён в период между 1839 и 1846 гг.

² Факт рождения А. А. Кучина в 1853 г. подтверждается исповедной ведомостью Казан-

ской церкви села Плесец Ковровского уезда от 2 сентября 1855 г. (См.: [25, л. 885]).

³ Других людей с такими же именами и отчествами, как у крёстных родителей А. А. Кучина, в деревне Кисляково по состоянию на 5 августа 1850 г. не было (См.: [22, л. 149об. – 166]).

лей и их единственным сыном. Кроме него у Анисима Егоровича и Марьи Ивановны подрастали дочери Матрёна, Ирина и Марфа, которым по состоянию на 19 апреля 1858 г. было соответственно 11, 10 и 7 лет [23, л. 851об., 852]. Сведения о других детях Кучиных в ревизской сказке деревни Кисляково отсутствуют, но это не означает, что в период между 9-й и 10-й ревизиями в рассматриваемой семье не было пополнений, и что новорождённые не могли умереть в младенчестве.

На сегодняшний день мы не знаем, как сложилась судьба родителей и сестёр нашего героя после 19 апреля 1858 г. Неизвестно, остались ли они жить во Владимирской губернии или отправились вместе с сыном и братом в Кубанскую область. Единственным указанием на то, что семейство Кучиных могло эмигрировать в полном составе, является запись в метрической книге Сергиевской церкви станицы Ярославской за 1882 г., сообщающая о том, что 13 июля казённый крестьянин села Малышево Ковровского уезда Владимирской губернии Анисим Алексеевич Кучин и жена священника Екатерина Христофоровна Скубачевская приняли от купели дочь выходца из Смоленской губернии Андрея Ефимовича Агнистова (Огнистова) [4, л. 132об., 133]. Вместе с тем разность отчеств не позволяет нам отождествить человека, упоминаемого в данном источнике, с отцом Алексея Анисимовича – Анисимом Егоровичем. Гипотетически восприемником дочери А. Е. Агнистова мог быть двоюродный брат нашего героя. Согласно ревизской сказке деревни Кисляково, у Анисима Егоровича имелся старший

брат (по-видимому, погодок) Алексей, но у последнего по состоянию на 19 апреля 1858 г. сына по имени Анисим не было [23, л. 851об.], что, впрочем, не исключало появления такового в последующие годы. Вполне возможно также, что при занесении в метрическую книгу имени крёстного отца Марии Агнистовой кто-то из церковнослужителей допустил ошибку, записав «Онисим Алексеев сын Кучин» вместо «Алексей Онисимов сын Кучин». В пользу данной версии свидетельствует то, что в более поздних метриках станицы Ярославской Анисим Алексеевич Кучин ни в каком качестве не фигурировал. Не исключено, что прояснить ситуацию помог бы второй экземпляр церковной книги за 1882 г., который был передан в архив Ставропольской духовной консистории, однако мы вынуждены с сожалением констатировать, что этот важный источник не сохранился.

Отсутствие сведений о материальном положении и занятиях Кучиных до переселения в Закубанье не позволяет обозначить конкретные причины их эмиграции, которые на самом деле могли быть связаны как с малоземельем, так и с желанием сохранить доходы, полученные при отхожих промыслах. Вместе с тем нужно иметь в виду, что деревня Кисляково, в которой как минимум до начала 1860-х гг. проживала семья нашего героя, располагалась в той части Ковровского уезда, которая не отличалась высоким уровнем развития сельского хозяйства. Почва по левую сторону Клязьмы сплошь каменистая со значительной песчаной примесью, малоплодородна, вследствие чего местные кре-

стьяне даже в урожайные годы сталкивались с недостатком продовольствия, который приходилось восполнять посредством покупки хлеба на базарах, у помещиков или у крестьян удельных имений [20, с. 171]. Отсюда можно предположить, что семья Кучиных (или её отдельные представители), подобно другим уроженцам Владимирской губернии, могла рассматривать Кубанскую область как более выгодное место приложения своего земледельческого труда и связывать с переездом в данный регион улучшение жизненных условий и обретение уверенности в завтрашнем дне.

Наличие в метрической книге Казанской церкви села Плесец за 1876 г. записи о том, что 7 февраля А. А. Кучин стал восприемником при крещении своего двоюродного племянника, говорит о том, что в середине 1870-х гг. наш герой всё ещё был жителем деревни Кисляково¹. По состоянию же на начало 1880-х гг. он уже не только проживал в станице Ярославской Майкопского уезда Кубанской области, но и пользовался расположением представителей местной казачьей элиты. Красноречивым подтверждением последнего тезиса служит то, что 10 мая 1882 г. Алексей Анисимович стал одним из поручителей со стороны неве-

сты при венчании запасного унтер-офицера Дмитрия Михайловича Тупова и дочери сотника Евдокии Михайловны Труфановой [4, л. 167об., 168]. В связи с приведённым фактом вспоминаются слова видного историка казачества И. Я. Куценко о «”пришлой” буржуазии разных национальностей», «легко и просто» находившей «общий язык с войсковым начальством» [38, с. 132]. Следует оговориться, что к настоящему времени нами не было выявлено ни одного аутентичного источника, свидетельствующего о том, что в начале последней четверти XIX в. наш герой уже был преуспевающим предпринимателем. Тем не менее логика событий и информация о торговой специализации Кучина, представленная в материалах конца XIX – начала XX в., позволяют предположить, что в первой половине 1880-х гг. ему могла принадлежать одна из станичных лавок (вероятнее всего, мануфактурная)².

Вопрос о том, когда именно А. А. Кучин пополнил ряды кубанского купечества, пока остаётся открытым. Но у нас есть некоторые основания полагать, что это произошло в период между 13 сентября 1882 г. и 15 января 1887 г. Дата, послужившая нижней границей, ранее уже приводилась. Что же касается второй рубежной точки, то в качестве таковой мы рассматриваем день, когда у предпринимателя появился первый известный нам ребёнок. Дело в том, что в метрической записи, посвящённой данному

¹ В метрической записи о рождении и крещении Фёдора Ивановича Кучина его родители и восприемники указаны без фамилий (См.: [26, л. 79об.]). При этом и те, и другие идентифицируются с помощью материалов 10-й ревизии деревни Кисляково (См.: [23, л. 837об. – 854]). Начиная с 1877 г. в документах Казанской церкви села Плесец А. А. Кучин ни разу не упоминается, что может указывать на то, что к тому времени он оставил Владимирскую губернию и переехал на постоянное жительство в Кубанскую область.

² По информации Е. Д. Фелицына, в начале 1880-х гг. в станице Ярославской имелось четыре бакалейные и две мануфактурные лавки (См.: [68, № 5175]). На данный момент имена их владельцев неизвестны.

событию, в отличие от записи от 13 сентября 1882 г., А. А. Кучин уже был назван не крестьянином Владимирской губернии, а майкопским купцом 2-й гильдии [5, л. 5об.]. Отсюда следует вывод, что получение им гильдейского свидетельства должно было состояться в промежутке между двумя вышеобозначенными датами.

Вместе с тем утверждать с полной уверенностью, что межсословный переход Алексея Анисимовича завершился в середине 1880-х гг., мы не можем, потому что в ряде материалов (в частности, в церковной книге станицы Ярославской за 1890 г.) к его званию иногда добавлялось слово «временный» [6, л. 15об.]. Оно может свидетельствовать либо о неуплате Кучиным вплоть до конца XIX в. повинностей по своему прежнему состоянию, либо о том, что до определённого момента он не особенно спешил становиться полноправным купцом¹. Последнее вполне могло быть связано с некими коммерческими соображениями. Впрочем, гораздо более вероятно, что переход в купечество действительно состоялся в середине 1880-х гг., но в начале следующего десятилетия предприниматель столкнулся с какими-то финансовыми проблемами, не позволившими ему своевременно возобновить гильдейское свидетельство. Если допустить, что всё обстояло именно так, то нужно признать, что данное недоразумение было улажено Кучиным довольно быстро. Доказательством тому служит то, что в сохранившихся до наших дней метриках станицы Ярославской конца XIX —

начала XX в., а также в других документах, относящихся к обозначенному периоду, он неизменно именуется майкопским купцом 2-й гильдии [3, л. 62об.; 6, л. 35об.; 47, с. 229; 63, с. 552].

Купеческое свидетельство второго разряда давало А. А. Кучину право вести в Майкопском уезде (с 1888 г. — Майкопский отдел) Кубанской области розничную торговлю русскими и иностранными товарами из лавок или магазинов, содержать в неограниченном количестве промышленные заведения при условии уплаты за каждое из них билетного сбора, а также брать подряды, поставки и откупы на сумму не более 15 тыс. рублей каждый [53, с. 15]. Помимо этого, принадлежность к купечеству гарантировала Алексею Анисимовичу ряд гражданских преимуществ. Во-первых, он освобождался от телесных наказаний. Во-вторых, нашему герою, в случае если им были замечены нарушения третьими лицами торгового законодательства, разрешалось через биржевой комитет информировать об этом Министерство финансов. В-третьих, «за оказанные отечеству особенно важные заслуги» Кучин мог поощряться государственными медалями и орденами, однако основанием для его награждения не могли быть денежные пожертвования, а также уступки и понижение цен, сделанные при торгах и подрядах. Всеми вышеперечисленными сословными правами (за исключением торговых) пользовались члены семьи Алексея Анисимовича, внесённые вместе с ним в купеческое свидетельство [56, с. 286 — 287]. Дети нашего героя могли обучаться в лучших образовательных учреждениях, нести государственную службу [29, с. 89 — 90].

¹ О том, как приобретались права купеческого состояния, см.: [37, с. 58].

В конце XIX – начале XX в. А. А. Кучин занимался продажей бакалеи, железа, мануфактуры и прочих товаров [21, Стб. 1951; 31, Стб. 1417; 58, Стб. 186; 60, Стб. 248, 255, 262, 274]. Судя по всему, именно это занятие позволило ему скопить состояние. Во второй половине 1890-х гг. (одни источники называют 1895 г., другие – 1896 г., третьи – 1897 г.) у Алексея Анисимовича появился паровой маслобойный завод, который со временем стал приносить купцу заметную часть прибыли. В дооктябрьские годы рассматриваемое предприятие являлось одним из крупнейших в Ярославской. На нём, по разным сведениям, работало 14 – 16 человек, а сумма годовой производительности накануне Первой мировой войны достигала 45 тыс. рублей. Завод был оснащён двумя двигателями (локомобильным и водяным), общая мощность которых составляла 16 лошадиных сил [28, с. 71; 68, № 3070]. Помимо маслобойни, Кучину принадлежала паровая вальцовая мельница, на которой, по разным данным, трудилось от двух до пяти человек [34, с. 745; 58, Стб. 115].

Ведя активную предпринимательскую деятельность, А. А. Кучин имел право избираться в Майкопское уездное податное присутствие. Этот орган включал председателя, шесть членов и шесть кандидатов, срок полномочий которых определялся законом в три года. В обязанности податного присутствия входило распределение суммы раскладочного сбора, устанавливавшейся для всего Майкопского отдела, между находившимися на его территории торговыми и промышленными заведениями. Критерием, на ос-

новании которого происходила регуляция размера платы для конкретных предприятий, являлась величина их предполагаемой прибыли [50, с. 46; 52]. По состоянию на 1898 г. Алексей Анисимович и ещё один известный предприниматель станицы Ярославской, екатеринодарский мещанин Гавриил Алексеевич Сулицкий были кандидатами Майкопского уездного податного присутствия по гильдейским сборам [49, с. 49]. Одновременно с ними аналогичные должности занимали такие видные предприниматели Закубанья, как Серафим Никитич Чибичев и Вячеслав (Вацлав) Иванович Товаро [Там же], пивные лавки которых в начале XX в. имелись в большинстве поселений Майкопского отдела [43; 44; 45].

Отметим, что в советский период А. А. Кучин, подобно остальным дореволюционным торговцам и промышленникам, позиционировался как жестокий эксплуататор, враг трудового народа и человек, готовый на всё ради материальной выгоды. При этом о его общественной деятельности либо не знали, либо намеренно не говорили. Между тем материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, сообщают, что весной 1899 г. Алексей Анисимович вместе с подъяесаулом Михаилом Никитичем Труфановым стал попечителем одной из церковно-приходских школ станицы Ярославской [64, с. 426 – 427]. Вскоре после этого купец пожертвовал на её нужды 75 рублей наличными и портрет Николая II стоимостью 24 рубля, чем заслужил благодарность Майкопского отделения епархиального училищного совета [65, с. 552]. Вышесказанным меценатство

Кучина не ограничивалось. В начале XX в. он стал членом попечительства, учреждённого при вновь открытом Ярославском иногороднем училище. 6 декабря 1903 г. Алексей Анисимович преподнёс в дар этому учебному заведению портреты царственных особ и материю для флагов [42, л. 12 – 12об.]. В том же году им было сделано пожертвование на устройство для обучающихся иногородней школы новогодневного утренника [Там же, л. 13]. В период русско-японской войны 1904 – 1905 гг. купец, будучи действительным членом Ярославского временного местного комитета Российского общества Красного креста, участвовал в сборах средств в поддержку раненых русских воинов [32]. В мирное время, не понаслышке зная о проблемах сельских хозяйств Центральной России, Кучин старался по мере возможностей помогать жителям голодающих губерний. Так, в 1908 г. от него поступило 2 рубля в Ставропольский епархиальный комитет в пользу пострадавших от неурожая [66]. В контексте разговора о меценатстве нашего героя, следует добавить, что, по сведениям некоторых краеведов, в первой половине 1910-х гг. он не только спонсировал строительство в станице Ярославской нового здания Сергиевской церкви (не сохранилось до наших дней), но и выделял для этого дела кирпич с собственного кирпичного завода [54]. Вместе с тем мы относимся к данной информации скептически, так как ни в одном из известных нам дореволюционных торговно-промышленных справочников о наличии у А. А. Кучина такого предприятия ничего не сообщается.

Вышеприведённые факты могут сформировать представление о Кучине как о щедром и бескорыстном дарителе, ревностном подвижнике народного просвещения, но такая характеристика купца не является объективной. В действительности наш герой был сложной и противоречивой личностью, сформировавшейся в конкретной исторической обстановке. Юность Алексея Анисимовича совпала с эпохой буржуазных преобразований, которые в значительной степени нивелировали социальный опыт российского крестьянства, накопленный в течение предшествующих столетий. По мере взросления А. А. Кучин не мог не замечать, что советы старших членов семьи, в основе которых лежала традиция, становились для него всё менее полезными. При отсутствии рядом тех, кто мог бы помочь его деятельной натуре самореализоваться, наш герой был вынужден полагаться на собственные знания, умения и навыки. Необходимость самостоятельного преодоления препятствий способствовала развитию у Алексея Анисимовича стратегического мышления, которое вместе с другими деловыми качествами стало залогом его успешной предпринимательской карьеры.

С другой стороны, в доступных материалах содержатся сведения, которые, на наш взгляд, могут указывать на то, что многолетняя торговая деятельность в какой-то момент привела к профессиональной деформации нашего героя. Так, корреспондент «Майкопской газеты», использовавший псевдоним «Г. Д-ко», описывал Кучина как практичного и дальновидного человека, но при этом отмечал его бесцеремонность в отношении наёмных

торговых служащих, приведшую к неприятному инциденту с приказчиком Грицаевым. В 1910 г. Алексей Анисимович переманил этого человека от другого торговца, пообещав назначить ему более высокое жалование. Мирно рассчитавшись с прежним хозяином, Грицаев в назначенный день пришёл в магазин Кучина, но купец заявил ему, что имеет полный штат приказчиков и не нуждается в его услугах. Спустя некоторое время Грицаев, оказавшийся по вине нашего героя безработным, снова встретился со своим обидчиком и, по словам «Г. Д-ко», «дал ему три звонких пощёчины» [39].

Ещё одним источником, свидетельствующим о непростом характере Алексея Анисимовича, является очерк И. Авдеева «Разлом», который был опубликован в 1961 г. в газете «Путь к коммунизму», издававшейся в Ярославском районе Краснодарского края. В нём рассказывается об идейно-нравственном расколе, произошедшем в период Гражданской войны в семье Сергея Ивановича Дятлова. «Разлом» содержит целый ряд мелких деталей, которые автору мог сообщить только герой его публикации. С учётом этого обстоятельства рассматриваемый очерк можно определить как воспоминания С. И. Дятлова, записанные и литературно обработанные И. Авдеевым.

До революции 1917 г. крестьянин Черниговской губернии Сергей Дятлов проживал в станице Ярославской и занимался мясной торговлей [8, л. 102об.; 36, с. 402; 43, л. 16об.]. Согласно очерку И. Авдеева, открытию им собственного дела предшествовал продолжительный период работы у других станичных предприни-

мателей, среди которых был А. А. Кучин. Последний характеризуется в источнике как «ещё более бесчеловечный», чем предыдущий работодатель Дятлова торговец Федот Кравцов, который однажды в наказание за разбитую керосиновую лампу дал Сергею Ивановичу несколько пощёчин. И. Авдеев писал: «Год, второй, третий мучился Сергей у Кучина. Не выдержал и ушёл» [2]. Что именно делало работу у нашего героя столь невыносимой, автор не пояснял. Вместе с тем его известия согласуются с информацией корреспондента «Майкопской газеты» «Г. Д-ко» о том, что в 1910 г. в магазине Кучина произошёл конфликт, в результате которого купец лишился нескольких приказчиков [39]. По всей видимости, данное событие, как и уход Дятлова, было обусловлено тем, что Алексей Анисимович, будучи излишне требовательным и взыскательным по отношению к сотрудникам, не всегда мог обеспечить благоприятный производственный микроклимат.

Исходя из того что имя А. А. Кучина значилось в списке владельцев торгово-промышленных заведений станицы Ярославской, представленном в «Кубанском календаре на 1916 год», можно сделать вывод, что накануне 1917 г. Алексей Анисимович, разменявший к тому времени седьмой десяток, ещё был жив [36, с. 401]. Достоверными сведениями о том, как сложилась судьба купца после Октябрьской революции, мы в настоящий момент не располагаем. По словам ныне покойной ярославской старожилки Е. П. Тарасовой, в 1918 г. Кучин был убит в своём дворе без суда и следствия, а его дом, который сохранился

до наших дней, разграбили. Информация о насильственной смерти предпринимателя пока не нашла документального подтверждения. Что же касается бывшего дома Алексея Анисимовича, то в нём на протяжении многих лет помещается Ярославская участковая больница (ул. Советская, 26) [48]. Это двухэтажное здание из красного кирпича, по-видимому, было возведено в начале XX столетия. Во всяком случае на момент проведения переписи 1897 г. в Ярославской был только один каменный дом, принадлежавший некой казачьей семье. Большая же часть станичников (как коренных, так и иногородних, получивших оседлость) в конце XIX в. имела деревянные жилища [41, с. 234].

По воспоминаниям ярославского старожила И. Бочарова, средства на постройку «огромного двухэтажного кирпичного дома» были получены А. А. Кучиным в результате авантюры: застраховав своё имущество, купец «подговорил кого-то поджечь его магазин, двор, когда он уедет в Армавир якобы за товарами. Так и было сделано. И Кучину после пожара удалось полностью получить страховую сумму в 55 тысяч рублей. Торговые дела у него развернулись на ещё более широкую ногу <...>» [19].

Как видим, рассказ И. Бочарова содержит подробности, которых он, человек, явно не входивший в ближний круг Алексея Анисимовича, просто не мог знать (в частности, сумма страховой выплаты). Сообщая о них,

восьмидесятилетний (по состоянию на 1961 г.) колхозник умалчал о главном – когда случился пожар. Между тем критически следует оценивать причинно-следственные связи, предлагавшиеся И. Бочаровым, но не сам факт масштабного возгорания у Кучина, так как сведения о таковом можно почерпнуть из ряда других, причём более достоверных, источников. Вот что, например, сообщал о пожаре неизвестный корреспондент ставропольской газеты «Северный Кавказ», который в начале 1895 г. побывал в станице Ярославской проездом: «В 11 час. ночи с 9-го на 10-е января по всей станице вдруг разнёсся зловещий звон колокола. Народ бросился на площадь, где горело здание майкопского купца А. А. Кучина. Пожар начался от неизвестной причины с конюшни, где спал кучер. Проснувшись от страшного дыма, он впопыхах вскочил, отворил дверь и стал отвязывать лошадей, которых в конюшне стояло три. С криком “Пожар! Спасите!” он успел только отвязать одну лошадь и выскочить из объятай пламенем конюшни. Вместе с конюшней сгорели две лошади, тарантас, сбруя и проч.; в ближайшей постройке сгорели телок и собака, которая была на цепи. Убыток исчисляется в размере 2500 руб. Благодаря выпавшему снегу народ принимал до прибытия станичного пожарного обоза самое деятельное участие в тушении пожара и не дал дальше распространиться огню» [57].

*Бывший дом купца 2-й гильдии города Майкопа А. А. Кучина
(ст. Ярославская, ул. Советская, 26)*

Учитывая, что с момента пожара, описанного в процитированной выше корреспонденции, прошло уже больше 125 лет, установить его подлинные причины невозможно. Тем не менее нам представляется маловероятным, что А. А. Кучин мог поручить кому-то поджог своей конюшни, тем более зная, что вместе с лошадьми там может находиться спящий кучер. Но, согласно И. Бочарову, всё обстояло именно так. Более того, этот старожил утверждал, что аналогично Алексею Анисимовичу якобы действовали Г. Ф. Дёмин (ок. 1838 – 1905) и Р. К. Юст (ок. 1851 – 1903), которые в конце XIX – начале XX в., как и наш герой, владели в Ярославской паровыми маслобойнями [19; 59, с. 226]. Между тем эта информация не подтверждается никакими аутентичными материалами.

В контексте изучения биографии А. А. Кучина одной из важнейших исследовательских задач является уста-

новление судеб принадлежавших ему торгово-промышленных заведений. О том, что произошло после Октябрьской революции с маслобойным заводом Алексея Анисимовича, мы на сегодняшний день знаем сравнительно немного. Известно, что 24 мая 1918 г., т. е. через несколько месяцев после того как в Ярославской в первый раз установилась советская власть, он вместе с предприятиями Филимона Васильевича Ефремова и Герасима Ивановича Нешама был национализирован Советом коммунального хозяйства Кубано-Черноморской области [55, с. 71 – 72]. В период Гражданской войны маслобойня, как можно понять из воспоминаний Н. Фомина, сильно пострадала, но в годы нэпа была передана в собственность Ярославского станичного Совета и восстановлена [62, с. 27; 71]. Как долго после этого она продолжала функционировать, пока неясно.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что по состоянию на

1918 г. собственником самого крупного по числу рабочих (48 чел.) маслобойного завода станицы Ярославской был некий А. С. Степанов¹. Судя по всему, А. П. Протопопов имел в виду этого человека, когда писал: «... последний был простой рядовой рабочий, сам работавший на заводе. Путём долгих трудов ему удалось выбиться и сделаться хозяином завода» [40, с. 261]. С учётом того, что две другие маслобойни, имевшиеся в Ярославской в 1918 г., до проведения национализации принадлежали Ф. В. Ефремову и Г. И. Нешама, можно сделать вывод, что в определённый момент Степанов стал владельцем предприятия А. А. Кучина. Тем не менее даже после окончания Гражданской войны данный завод продолжал ассоциироваться с Алексеем Анисимовичем. Об этом свидетельствует то, что в документах для обозначения маслобойни, как правило, употреблялась формулировка «б. Кучина».

Внести некоторые дополнения в историю маслобойного завода и мельницы А. А. Кучина позволяют материалы советского времени, находящиеся на хранении в архивном отделе администрации города Армавира. В составе фонда № Р-254 «Лабинский районный секретариат профессиональных сою-

зов» имеется дело по станице Ярославской, которое датируется самым началом 1920-х гг. и содержит, помимо всего прочего, протоколы общих собраний секретариата рабочих и служащих этого населённого пункта. Анализ данных источников со всей очевидностью демонстрирует, что местная власть проявляла большую заинтересованность в том, чтобы предприятия, ранее принадлежавшие Алексею Анисимовичу, продолжали нормально работать в новых условиях. Так, например, в протоколе от 19 декабря 1920 г. говорится следующее: «Ввиду спешности дела решили во вновь воздвигнутую мельницу, бывшую А. А. Кучина, избрать временного заведующего над этой мельницей, причём избранным оказался тов. Степанцов Матвей, которому и вручить инструкцию для заведующих мельницами» [3, л. 34]. Приведённая выдержка нуждается в комментарии. Дело в том, что использование словосочетания «вновь воздвигнутая» по отношению к уже давно существовавшему предприятию явно было некорректным. На наш взгляд, составителю документа следовало воспользоваться словом «отремонтированная», поскольку другой источник ясно указывает на факт именно восстановительных работ [Там же, л. 5]. Впрочем, никакими конкретными сведениями о состоянии мельницы до ремонта мы на данный момент не располагаем. Вполне возможно, что ущерб, нанесённый в период Гражданской войны, в действительности был столь велик, что её пришлось в буквальном смысле отстраивать заново.

В продолжение разговора о бывшей мельнице А. А. Кучина следу-

¹ По данным, собранным в 1917 – 1918 гг. А. П. Протопоповым, на маслобойне А. С. Степанова (бывшей А. А. Кучина) был установлен паровой двигатель мощностью в 20 лошадиных сил. Отжим масла осуществлялся с помощью трех гидравлических прессов, совокупная сила давления которых составляла 300 атмосфер. Суточная производительность завода составляла 144 пуда, что в соответствии с классификацией А. П. Протопопова говорит о его принадлежности к предприятиям капиталистического типа (См.: [46, с. 85]).

ет отметить, что её состоянию был посвящён один из докладов, прозвучавших 11 февраля 1921 г. на экстренном собрании ярославского секретариата. К сожалению, тезисы этого выступления не получили отражения в протоколе, и поэтому можно только догадываться, на каких конкретных проблемах попытался заострить внимание слушателей заместитель заведующего рассматриваемым предприятием. Так или иначе по итогам доклада собрание постановило: «Принять к сведению» [3, л. 37].

Наконец, 2 августа 1921 г. в Ярославской прошло очередное заседание секретариата рабочих и служащих местного профсоюза, на котором одним из выступающих был заявлен некий товарищ Духанин [Там же, л. 75]. Этот человек с 21 июля 1921 г. входил в состав комиссии по учёту разрушавшихся и бездействовавших предприятий станицы [Там же, л. 54]. Темой доклада Духанина стала передача маслобойни и мельницы, находившихся до революции в собственности А. А. Кучина, в рабочий кооператив. Из предельно краткой протокольной записи невозможно понять, от кого именно исходила данная инициатива (от самого выступавшего или от комиссии, которую он представлял). Между тем участники заседания её одобрили и постановили ходатайствовать перед Лабинским уездным профсоюзом «о переходе в рабочий кооператив завода и мельницы б. Кучина» [Там же, л. 75]. Дальнейшая судьба предприятий требует отдельного исследования.

Завершая настоящий биографический очерк, мы считаем необходи-

мым вкратце рассказать о семье А. А. Кучина.

По всей видимости, Алексей Анисимович вступил в брак примерно тогда же, когда получил гильдейское свидетельство, т. е. в первой половине – середине 1880-х гг. О времени рождения, происхождении, степени образованности и занятиях его супруги Прасковьи Никитичны мы в настоящее время ничего не знаем. На основании того, что в начале 1910-х гг. этой женщине выдавались документы на разведку нефти в юрте станицы Хамкетинской (ныне станица в Мостовском районе Краснодарского края) [27], нельзя однозначно судить о наличии или отсутствии у неё предпринимательских способностей. Вместе с тем вышеприведённый факт может свидетельствовать о том, что при необходимости П. Н. Кучина была готова деятельно поддерживать деловые инициативы мужа.

Располагая значительными по ярославским меркам финансовыми возможностями, Прасковья Никитична являлась человеком, дружбы с которым искали другие, менее состоятельные, представители станичной элиты, для которых близость к Кучиным, вероятно, служила одним из элементов самоутверждения. Среди людей, которым жена нашего героя в конце XIX – начале XX в. оказала честь, согласившись стать крёстной матерью их детей, были крестьянин Орловской губернии Федул Сергеевич Балалаев (на исходе XIX в. он занимался в Ярославской продажей алкогольной продукции), мещанин города Майкопа (ранее майкопский купец 2-й гильдии) Георгий (Егор) Фёдорович Дёмин (владелец

паровой маслобойни), заведующий Ярославским одноклассным училищем Мирон Артемьевич Купреев, диакон Василий Иванович Смыков, крестьянин Рязанской губернии Григорий Максимович Мирошкин (Мирошник; по данным на 1902 г., торговал в Ярославской галантереей) [5, л. 47об., 48; 6, л. 15об., 16; 9, л. 75об., 76; 10, л. 85об., 86; 11, л. 39об., 40; 12, л. 119об., 120; 21, Стб. 1951; 60, Стб. 153] и пр. Сам Алексей Анисимович в обозначенный период почти не участвовал в крестинах. Одно из немногих исключений было сделано им в декабре 1903 г. для учителя Луки Васильевича Сакунова [11, л. 79об., 80], предложившего купцу стать воспитателем своей новорождённой дочери Евгении. Это указывает на то, что А. А. Кучина и Л. В. Сакунова связывали крепкие дружеские отношения.

Первым известным нам ребёнком в семье Кучиных была дочь Антонина, появившаяся на свет 15 января 1887 г. Через неделю после рождения девочку крестили в Сергиевской церкви станицы Ярославской [5, л. 5об.]. В роли её восприемников выступили коллежский регистратор Яков Мартынович Борисовский и дочь местного священника Мария Александровна Широгорова [Там же, л. 6]. По достижении 18-летнего возраста Антонина Алексеевна вышла замуж за сына майкопского купца Александра Ивановича Сурина, который был старше её на 13 лет. Венчание молодых состоялось в станице Ярославской 19 августа 1905 г.; его провёл священник Дмитрий Григорьевич Мишунин [13, л. 134об.]. Примечательно, что со

стороны невесты поручителями стали крестьяне Василий Тарасов и Михаил Кунтиков, которые, подобно её отцу, происходили из Ковровского уезда Владимирской губернии. Первый из них был приписан к деревне Кузнечиха (в метриках она была ошибочно названа селом; ныне деревня в Ковровском районе Владимирской области) Малышевской волости, а второй – к селу Усолье (ныне село в Камешковском районе Владимирской области) той же волости [Там же, л. 135]. Отсюда возникает предположение, что А. А. Кучин не забывал о своей малой родине и старался добиться того, чтобы в круг общения его детей, родившихся в Кубанской области, входили люди, которые вели свой род из того же региона, что и он сам. О существовании в Ярославской станице довольно сплочённого землячества владимирских крестьян может также свидетельствовать то, что по состоянию на 1913 г. одним из четырёх приказчиков при смешанной торговле нашего героя был некий Александр Тарасов (возможно, родственник вышеупомянутого Василия Тарасова) [45, л. 42об.].

Спустя год и два месяца после рождения Антонины, 18 марта 1888 г. Прасковья Никитична подарила Алексею Анисимовичу сына Александра [5, л. 16об.]. От купели мальчика 24 марта 1888 г. приняли коллежский регистратор Евгений Васильевич Смольяков и Мария Александровна Широгорова [Там же, л. 17], которая тем самым стала кумой Кучиных во второй раз. В неизвестный момент времени между 1908 г. и 4 марта 1912 г. Александр Алексеевич женился на

учительнице Вере Яковлевне Тузовой¹, которая в 1910-х гг. являлась заведующей Ярославским женским училищем [33, с. 242; 35, с. 242]. На основании известия, что по состоянию на 27 ноября 1920 г. невестке Алексея Анисимовича было 28 лет [3, л. 16об.], можно заключить, что она появилась на свет около 1892 г. и, соответственно, была примерно на четыре года младше своего избранника.

В метрических книгах Сергиевской церкви станицы Ярославской за 1905 – 1912 гг. сведений о венчании купеческого сына и учительницы нет, как нет их и в просмотренных нами метриках станицы Лабинской (ныне город Лабинск в Лабинском районе Краснодарского края) за те же годы. Это наводит на мысль, что торжество, вероятнее всего, проходило в Майкопе. Вместе с тем искомой локацией вполне может быть и Белореченская станица (ныне город Белореченск в Белореченском районе Краснодарского края), где в конце XIX – начале XX в. имелся маслобойный завод, одним из владельцев которого являлся крестьянин Яков Иванович Тузов². Каких-либо источников, позволяющих говорить о том,

что этот человек был отцом Веры Яковлевны, пока не выявлено. Однако если данная версия верна, брак учительницы с купеческим сыном вполне мог быть следствием не взаимной любви, а желания Алексея Кучина и Якова Тузова объединить посредством союза своих детей семейные капиталы.

Первое и единственное известное нам пополнение в семье Александра Алексеевича и Веры Яковлевны Кучиных наступило 19 августа 1914 г., когда у них родилась дочь Зоя. Крещение девочки прошло 21 сентября 1914 г. в Сергиевской церкви станицы Ярославской [17, л. 74об.]. Обряд совершили священник Алексей Кулик и псаломщик Филипп Елец. Крестной матерью Зои стала её тётя по отцовской линии Антонина Алексеевна Сурина, а крестным отцом – инженер Николай Николаевич Павлов [Там же, л. 75]. Достоверными сведениями о дальнейшей судьбе дочери Александра Алексеевича и Веры Яковлевны мы в настоящее время не владеем. Вместе с тем в именном списке секретариата рабочих и служащих станицы Ярославской от 27 ноября 1920 г., обнаруженном нами в Архивном отделе администрации города Армавира, говорится о том, что на момент составления рассматриваемого документа на иждивении у Веры Кучиной (член секции работников просвещения и социалистической культуры) находился один человек [3, л. 16об.]. Вполне возможно, что это была её дочь Зоя, которой, в случае если она не умерла в младенчестве, в августе 1920 г. должно было исполниться 6 лет.

¹ На то, что венчание А. А. Кучина и В. Я. Тузовой состоялось в период между 1908 г. и 4 марта 1912 г., указывают два обстоятельства. Во-первых, Вера Яковлевна, родившаяся около 1892 г., по законам Российской империи не могла выйти замуж до достижения 16 лет. Во-вторых, в метриках станицы Ярославской за 1912 г. имеется запись о том, что 4 марта учительница, уже носившая фамилию мужа, стала крестной матерью для дочери крестьянина Харьковской губернии С. М. Калницкого (См.: [15, л. 20об., 21]).

² По данным торгово-промышленных справочников, в середине 1890-х гг. Я. И. Тузов торговал в станице Белореченской бакалеей и зерном (См.: [21, Стб. 1951]). В начале XX в. у него по-прежнему сохранялась смешанная специализация (См.: 73, Стб. 2599).

Третьим ребёнком в семье Алексея Анисимовича и Прасковьи Никитичны Кучиных была дочь Валентина. Она появилась на свет 20 июня 1890 г., а спустя неделю, 27 июня, была крещена в том же храме, где аналогичное таинство ранее совершалось с её старшими сестрой и братом. Крёстным отцом для своей дочери Кучины вновь пожелали видеть Евгения Васильевича Смольякова, компанию которому на этот раз составила крестьянка слободы Казацкой Обоянского уезда Курской губернии Евдокия Филипповна Климова [6, л. 35об., 36]. Став взрослой, Валентина Алексеевна связала свою жизнь с мещанином города Ростова-на-Дону Максимом Ивановичем Шищенко. Будучи законной женой этого человека, она 22 июля 1911 г. родила сына, который при крещении был наречён Виталием [14, л. 64об., 65].

Виталий Максимович Шищенко стал советским офицером. Из материалов, представленных на портале «Память народа», явствует, что его военная служба началась 29 ноября 1933 г. В 1941 г. внук купца А. А. Кучина был призван на фронт Бакинским городским военкоматом Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Во время битвы за Кавказ Виталий Максимович находился в 522-м отдельном батальоне аэродромного обслуживания, который обеспечивал штатное функционирование склада № 717 Закавказского фронта. Боевой путь Шищенко после расформирования этого подразделения (последовало 30 марта 1943 г.) на сегодняшний день не поддаётся реконструкции по причине отсутствия источников. Вместе с тем известно, что он был демобилизован

из Красной Армии 17 декабря 1945 г. в звании старшего техника-лейтенанта. Окончательно же свою службу Виталий Максимович завершил 11 апреля 1960 г., будучи майором [72].

Самым младшим из детей купца А. А. Кучина был сын Владимир. Он родился 3 ноября 1893 г. и через девять дней был крещён в Сергиевской церкви станицы Ярославской [7, л. 87об.]. Восприемниками при этом выступили отставной коллежский регистратор Филимон Васильевич Ефремов и дочь сотника Михаила Никитича Труфанова Прасковья Михайловна [Там же, л. 88]. Этим имеющиеся у нас сведения о Владимире Алексеевиче исчерпываются. На сегодняшний день мы не знаем, чем он занимался до революции 1917 г., создал ли семью, были ли у него дети. Вместе с тем доказательством того, что младший сын А. А. Кучина не умер в детстве, является его присутствие в качестве одного из поручителей со стороны жениха при венчании 7 января 1913 г. крестьянина Владимирской губернии Фёдора Фёдоровича Тарасова и казачки станицы Ярославской Наталии Сергеевны Понкратовой [16, л. 115об., 116].

Таким образом, в результате наших изысканий было установлено, что известный кубанский предприниматель А. А. Кучин родился 5 февраля 1853 г. и первоначально принадлежал к сословию государственных крестьян Владимирской губернии. В пореформенный период он переселился в Закубанье, где в середине – второй половине 1880-х гг. стал майкопским купцом 2-й гильдии. Будучи наиболее состоятельным жителем станицы Ярославской, А. А. Кучин играл важную

роль в общественной жизни этого населённого пункта, занимался меценатством. Вместе с тем многие эпизоды его биографии по-прежнему нуждаются в обстоятельном и беспри-

страстном изучении. В частности, историкам ещё предстоит выяснить, когда именно и при каких обстоятельствах Алексей Анисимович ушёл из жизни.

Библиографические ссылки

1. VII. Распределение неместных уроженцев по месту рождения // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXV (Кубанская область). СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1905. Паг. 2. С. 30 – 33.
2. Авдеев И. Разлом : очерк // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся], 1961. 30 сент.
3. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 43.
4. Архивный отдел администрации муниципального образования Мо-стовский район (далее – АОАМР). Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 97.
5. АОАМР. Д. 98.
6. Там же. Д. 99.
7. Там же. Д. 100.
8. Там же. Д. 102.
9. Там же. Д. 103.
10. Там же. Д. 105.
11. Там же. Д. 106.
12. Там же. Д. 107.
13. Там же. Д. 108.
14. Там же. Д. 136.
15. Там же. Д. 137.
16. Там же. Д. 138.
17. Там же. Д. 139.
18. Багаева Е. М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861 – 1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Краснодар, 2005. 293 с.
19. Бочаров И. С былых времён... // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся], 1961. 26 сент.
20. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 2 (Владимирская губерния). СПб. : Тип. Департамента Генер. Штаба, 1852. 319 с.
21. «Вся Россия». Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный календарь Российской империи. Т. 1. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1895.
22. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 301. Оп. 5. Д. 611.
23. ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 761.
24. Там же. Ф. 556. Оп. 111. Д. 636.
25. Там же. Ф. 556. Оп. 111. Д. 684.
26. Там же. Ф. 590. Оп. 19. Д. 87.

27. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 449. Оп. 1. Д. 6238.
28. Группа XI. Обработка питательных и вкусовых веществ по производствам, не обложенным акцизом // Варзар В. Е. Список фабрик и заводов Российской империи. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. Паг. 2. С. 37 – 130.
29. Жданова Л. А. Купеческая усадьба в социокультурном ландшафте региона : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Краснодар, 2017. 222 с.
30. Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника кавказского, 1852. 684 с.
31. Крюков Я. П. «Вся Россия». Адресная и справочная книга фабрик, заводов, торгово-промышленности и администрации на 1912 год. М. : Я. П. Крюков, 1912. 5124 стб.
32. Кубанские областные ведомости. 1905. 7 июля.
33. Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар : Тип. Кубанского обл. правления, 1912. 607 с.
34. Кубанский календарь на 1913 год. Там же, 1913. 752 с.
35. Кубанский календарь на 1914 год. Там же, 1914. 805 с.
36. Кубанский календарь на 1916 год. Там же, 1916. 669 с.
37. Купцы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVII. СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1896. С. 57 – 58.
38. Куценко И. Я. Кубанское казачество. Изд-е 2-е, доп. Краснодар : Книжное изд-во, 1993. 583 с.
39. Майкопская газета. 1910. 26 сент.
40. Масличные растения, маслобойная и поташная промышленность в Кубанском крае. Ч. 1. Екатеринодар : Энергия, 1920. 276 с.
41. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар : Тип. Кубанского обл. правления, 1906. 587 с.
42. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 22.
43. НАРА. Д. 1.
44. Там же. Д. 2.
45. Там же. Д. 3.
46. Общий список маслобойных заводов по алфавиту населённых мест, с указанием фамилий владельцев, основного технического оборудования, производительности заводов и количества рабочих по отделам края // Масличные растения, маслобойная и поташная промышленность в Кубанском крае. Ч. 2. Екатеринодар : Энергия, 1920. Паг. 4. С. 72 – 88.
47. Отдел V. Адресный список фабрично-ремесленных, горнозаводских и др. промышленных предприятий, по сведениям за 1903 год, дополненный по материалам за 1904 – 1905 гг. (по губерниям и производствам) // Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Изд-е 2-е, (1907/8 г.), испр. и значительно доп. СПб. : Тип. К. А. Четверикова, б. г. Паг. 5. С. 1 – 699.

48. Пинчук Н. У. Этих дней не смолкнет слава... // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся], 1957. 7 нояб.
49. Податные присутствия // Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар : Тип. Кубанского обл. правления, 1898. Паг. 1. С. 47 – 49.
50. Податные присутствия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIV. СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1898. С. 46.
51. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 5 (1830 г.). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1831. Ст. 3807.
52. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 5 (1885 г.). СПб. : Б. и., 1887. Ст. 2664.
53. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Харьков : А. В. Скалон, 1869. 82 с.
54. Портянова Н. П. Под сенью крестного знамения : ст. к 155-летию станции Ярославской [Электронный ресурс] // Образоват. портал «PRODLENKA». URL: <https://goo.su/iQWO> (дата обращения: 05.06.2022).
55. Раенко Я. Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 2. Март 1918 г. – апр. 1920 г. Ростов н/Д. : Ростовское обл. книгоиздательство, 1941. 256 с.
56. Свод законов о состояниях. Книга 1-я. О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных // Канторович Я. А. Законы о состояниях (свод законов. Т. IX, изд. 1899 г., с дополнительными узаконениями по 1-е июля 1901 г.). СПб. : Я. А. Канторович, 1901. Паг. 2. С. 1 – 578.
57. Северный Кавказ. 1895. 2 февр.
58. Северный Кавказ // Шапсович М. С. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку : М. С. Шапсович, 1914. Паг. 1. Стб. 1 – 379.
59. Северный Кавказ. Указатель торговых предприятий, фабрик и заводов Северного Кавказа // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1903 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов н/Д., 1903. Паг. 3. Стб. 167 – 416.
60. Северный Кавказ. Указатель фабрик, заводов и торговых предприятий областей Кубанской, Терской и губерний Ставропольской и Черноморской // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1902 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов н/Д., 1902. Паг. 4. Стб. 243 – 392.
61. Список населённых мест Владимирской губернии. Владимир : Типолитография Губернской земской управы, 1896. 215 с.
62. Список промышленных предприятий Кубчеробласти по данным на 1-е октября 1923 года (проект). Краснодар : Кубчерсовнархоз, 1923. 31 с.
63. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 838 с.

64. Ставропольские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). Ставрополь, 1899. № 10.
65. СЕВ, 1899. № 12.
66. Там же, 1908. № 23.
67. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Пг. : Электротипография Н. Я. Стойковой, 1914. № 3070.
68. Фелицын Е. Д. Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Т. 8. Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885.
69. Фомин Н. За землю, за волю... // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся], 1961. 16 сент.
70. Фомин Н. Путь к зажиточной жизни (к 100-летию ст. Ярославской) // Там же, 1961. 21 сент.
71. Харченко Н. И. От родового строя до наших дней. Ч. III (к 100-летию ст. Ярославской) // Там же, 1961. 31 авг.
72. Шищенко Виталий Максимович [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://clck.ru/39gGvh> (дата обращения: 26.03.2024).
73. «Вся Россия». Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : адрес-календарь Российской империи. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1902.

N. S. Kovalenko

PERSONAL APPROACH IN REGIONAL STUDIES: MAIKOP MERCHANT OF THE 2nd GUILD ALEXEY ANISIMOVICH KUCHIN

In the proposed article, based on a personal approach and a wide range of archival and published sources, the life circumstances of the most famous pre-revolutionary entrepreneurs of the Yaroslavl village of Maikop department in the Kuban region, merchant of the 2nd guild Alexei Anisimovich Kuchin are reconstructed. The author refutes the thesis existing in the local history tradition about the Cossack origin of this person, revealing his original belonging to the estate of state peasants of the Vladimir province. With the help of documents, the exact date of A. A. Kuchin's birth is determined. Possible reasons and the time frame of his emigration to the Kuban region are outlined. The issues related to Alexey Anisimovich's receipt of the merchant's certificate, his trade and industrial specialization, as well as position in the village society are highlighted. When considering Kuchin's entrepreneurial activity, documentary information on the history of enterprises owned by him is introduced into scientific circulation for the first time. This publication may be useful, first of all, to professional historians who study agrarian migrations from Central Russia to the Northwestern Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries and in particular the problems of adaptation of migrants to the conditions of the region of settlement. Its potential audience also includes employees of archival and museum institu-

tions, teachers, students and all those who are interested in the genre of scientific biography.

Keywords: biography, regional history, Alexey Anisimovich Kuchin, merchants, oil production, foothill Kuban, Maikop department, Yaroslavl village, nonresidents.

УДК 930

А. Ю. Кожевников

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И ОКРУЖЕНИЕ ИСТОРИКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СБОРНИКЕ В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ ПРОФЕССОРА С. Т. МИНАКОВА

Статья представляет рецензию на сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения крупного советского и российского историка Сергея Тимофеевича Минакова. Анализируется содержание сборника, выделены тематические блоки статей, а также творческие взаимосвязи их авторов с юбилеем. Материалы сборника раскрывают многие малоисследованные проблемы российской и всеобщей истории, а также носят междисциплинарный характер.

Ключевые слова: С. Т. Минаков, история России, всеобщая история, историография.

Профессиональный портрет историка отражает как кропотливую работу в архивах и библиотеках, так и широкий круг научного и повседневного общения, который непрерывно формирует его жизненный опыт. Так вырабатывается практика не только критического отношения академического специалиста к событиям прошлого, но и пропускание истории через призму его личного участия в ней и ее восприятия. Творчество таких исследователей насыщено не только научным нарративом, но и духом переживаемой эпохи. К их числу можно в полной мере отнести крупного советского и российского историка, организатора науки, видного педагога и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Сергея Тимофеевича Минакова. Рецензируемый

сборник был подготовлен его коллегами в честь 75-летнего юбилея ученого [10].

С. Т. Минаков принадлежит к первому послевоенному поколению детей фронтовиков. Они еще застали тех, кто жил в начале XX столетия, на их глазах страна переживала сложные и противоречивые метаморфозы своего политического и общественного развития. Его сверстники воспитывались на идеалах уважения жизненного опыта своих учителей и родителей, высоко ценивших преданность Отечеству. Именно поэтому интерес к прошлому страны подпитывался у будущего историка семейными традициями, разговорами со старшими, чтением высокохудожественной патриотической литературы. Не случайно еще со студенческой скамьи увлечением

С. Т. Минакова стала военной историей – он сын одного из пионеров советской авиации, заслуженного боевого летчика Тимофея Лаврентьевича Минакова, участника Великой Отечественной войны. Огромный интерес студента истфака Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова вызывала фигура легендарного красного командарма М. Н. Тухачевского – выдающегося советского полководца и военачальника. Он автор нескольких получивших широкую известность книг о военной карьере и жизненной судьбе маршала [5; 6].

Более сорока лет С. Т. Минаков возглавляет историческую школу в Орле – городе, в котором началась его научно-педагогическая карьера после окончания аспирантуры в родной *alma mater*. На протяжении длительного времени благодаря своей фундаментальной общекультурной эрудиции Сергей Тимофеевич с успехом руководит научной школой по нескольким направлениям изучения историко-антропологических, социокультурных, психоментальных и политических аспектов истории российской военной элиты XVII – XX вв. Более 400 его книг, статей и других публикаций по праву входят в золотой фонд отечественной исторической науки. В то же время тысячам российских школьников С. Т. Минаков известен как один из авторов линейки учебников по истории России XX – начала XXI в. для 9-х и 11-х классов средних общеобразовательных учебных заведений [1].

Проблематика рецензируемого издания очень разнообразна. Статьи отличаются широкий тематический, зачастую междисциплинарный охват, а

также значительные хронологические границы. Поэтому представляется необходимым вычленив несколько смысловых блоков сборника. Прежде всего это материалы мемуарного характера, подготовленные А. Г. Айрапетовым, С. Ф. Блуменау, В. Я. Петрухиным, Н. Н. Трухиной и др. Данные авторы гармонично вписали в свои сюжеты студенческие воспоминания о герое книги, а также собственные впечатления о первых совместных шагах на поприще исторической науки.

Следующая группа статей посвящена различным проблемам военной истории и подготовлена в основном учениками С. Т. Минакова. К примеру, в работе Г. С. Чувардина отмечен вклад С. Т. Минакова в исследование феномена «военная элита» как особого социокультурного явления. Его научные труды, пишет Чувардин, перевели ее изучение в русло «новой социальной истории» и «почти на целое десятилетие определили тренд на изучение данной проблематики. <...> В рамках деятельности Сергея Тимофеевича оформилась научная школа, в тренде исследований которой развивалось и углублялось понимание процессов эволюции и мутации элит, процесса элитообразования, формирования мировосприятия представителей военной элиты, ее поведения в мирной жизни и на поле боя. Деятельность данного научного направления и его основоположника привела к появлению ряда значимых научных исследований, ставших импульсом для развития военной истории в нашей стране и за рубежом в XXI в.» [11, с. 61].

В статьях Р. М. Абинякина, В. А. Бобкова, А. Н. Гребенкина и дру-

гих исследованы интересные сюжеты истории Белого движения, отечественной оборонной промышленности и др. Заслуживает отдельного внимания работа А. С. Рогожиной о продовольственном снабжении русской армии в годы Первой мировой войны, где анализируются запретительные правительственные меры по обеспечению интендантского снабжения русской армии продовольствием. Потребности армии оказались настолько велики, что формальная обеспеченность войск продуктами к лету 1914 г. была полностью нивелирована. Копился негативный эффект перманентных неурожаев, а также неумение государственных и общественных органов организовать дело снабжения. Действительно, продовольственный кризис, так и не решенный в годы войны, стал одним из факторов, способствовавших революционному краху самодержавного строя [8; 9].

Яркие страницы российской общественно-политической и социально-экономической истории XIX – XX вв. отражены в материалах А. В. Вдовина, В. Ю. Карнишина и Н. Г. Карнишиной, А. В. Лубкова, В. В. Шелохаева. Статья одного из ведущих исследователей отечественной общественной мысли и партийного строительства начала XX в. В. В. Шелохаева посвящена эпохе, в которой формировались судьбы героев трудов С. Т. Минакова. В ней раскрыты интересные хитросплетения борьбы за власть в один из самых драматичных периодов российской истории – между февралем и октябрём 1917 г. Автор продолжает развивать свои идеи невозможности достижения обществен-

ного консенсуса, приведшего к разрушительным, революционным последствиям для государственности.

Об успехах, достигнутых отечественной кооперацией в начале XX века и духовно-нравственных основах ее развития, мы узнаем из статьи А. В. Лубкова. Перу этого автора принадлежат основательные исследования опыта кооперативной модернизации России, где отмечен как экономический, так и культурный потенциал этой формы обновления общественных отношений [2].

Статьи А. С. Минакова, С. И. Михальченко, Т. А. Мищенко и других посвящены персоналиям отечественной истории. Например, исследование А. С. Минакова сообщает о первом крупном участии В. К. Плеве в обсуждении аграрных проблем государства. Стоит отметить, что фигура Плеве представляется весьма интересной для более всестороннего изучения, нежели лишь критического взгляда, характерного для советской историографии. Автор известен своими работами по истории отечественной бюрократии и активно разрабатывает перспективные сюжеты, связанные с поведенческими моделями представителей высшего чиновничества в России имперского периода [3; 4]. С. И. Михальченко подготовил для сборника публикацию двух писем крупного представителя русской эмигрантской науки, историка государства и права М. В. Шахматова, адресованные П. Б. Струве [7].

Наконец, статьи Е. А. Воронцовой и Н. В. Проказиной погружают читателя в междисциплинарный дискурс исторического знания. Е. А. Воронцова

подвела предварительные итоги реализации крупного международного проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки», который реализуется при участии многих академических институтов, университетов, федеральных архивов, библиотек и музеев, а также профессиональных общественных объединений ученых. Н. В. Проказина представила результаты интересного социологического исследования. По ее заключению, историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде выступает сегодня сложным многомерным социальным явлением, испытывающим влияние как объективных, так и субъективных факторов.

Рассматриваемый сборник получился не только глубоким по содержанию, но и представительным по составу авторов и их географии. В нем представлены работы крупных специалистов из ведущих российских научных и образовательных центров: Института российской истории РАН; Ин-

ститута славяноведения РАН; Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Московского государственного педагогического университета; Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева; Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского; Брянского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; Академии ФСО России; Пензенского государственного университета.

Таким образом, рецензируемый сборник стал важной вехой в отечественной историографии. Он продолжает традицию юбилейных изданий, посвященных жизни и творчеству крупных историков. Наряду с этим его содержание гармонично вплетено в актуальный срез проблем, раскрывающих малоизученные и дискуссионные направления. Он будет интересен всем, кто следит за развитием отечественной исторической науки, а также исследователям широкого круга проблем российской и всеобщей истории.

Библиографические ссылки

1. История России XIX – начало XXI века : учеб. для 11-го класса общеобразоват. учреждений / Н. В. Загладин [и др.]. 12-е изд. М. : Русское слово – учебник, 2014.
2. Лубков А. В. Кооперативная модернизация России накануне революции 1917 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 26 – 35.
3. Минаков А. С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник. 2013. Т. 1. № 1. С. 37 – 55.
4. Минаков А. С. Я хозяин губернии // Родина. 2009. № 1. С. 99 – 103.
5. Минаков С. Т. 1937. Заговор был! М. : Эксмо, 2010. Сер. 1937. Большой террор.
6. Минаков С. Т. Военная элита 20 – 30-х годов XX века. 2-е изд. М. : Русское слово, 2006. 503 с. Сер. История в лицах.

7. Михальченко С. И. Будущее России в представлении М. В. Шахматова (по письмам П. Б. Струве) // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. С. 149 – 154.

8. Петровичева Е. М. Участие земств Центрально-российских губерний в борьбе с продовольственным кризисом в годы Первой мировой войны // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, почетного профессора МПГУ и РГУ им. С. А. Есенина, заслуж. деятеля науки РФ Э. М. Щагина. М. : МПГУ, 2018. С. 52 – 63.

9. Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX – начале XX века // Научный диалог. 2021. № 4. С. 423 – 437.

10. Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. 228 с.

11. Чувардин Г. С. Основные этапы становления общей теории изучения «военной элиты» в мировой и отечественной науке // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. С. 52 – 62.

A. Yu. Kojevnikov

**THE CREATIVE CAREER AND ENTOURAGE OF THE HISTORIAN:
REFLECTIONS ON THE COLLECTION IN HONOR
OF THE 75TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR S. T. MINAKOV**

The article presents a review of articles collection dedicated to the 75th anniversary of the birth of the great Soviet and Russian historian Sergei Timofeevich Minakov. The content of the collection is analyzed, thematic blocks of articles are highlighted, as well as the creative relationships of their authors with the hero of the day. The materials of the collection reveal many little-explored problems of Russian and universal history, and are also interdisciplinary in nature.

Keywords: S. T. Minakov, history of Russia, general history, historiography.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Предметом исследования является историография пенитенциарной системы дореволюционного периода. Анализируются работы по данной тематике, рассматриваются точки зрения ведущих пенитенциаристов, сделаны выводы о степени изученности проблемы и намечены дальнейшие пути ее исследования.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система, дореволюционный период, гуманизация, ресоциализация, социальная адаптация, тюрьмоведение, ссыльные, заключенные.

В настоящее время российское общество находится в состоянии реформирования и модернизации уголовно-исполнительной системы. Совершенствование пенитенциарной системы выражается в реализации целей, изложенных в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года»: совершенствование уголовно-исполнительной системы в целях ее гуманизации; исправление осужденных, а также их ресоциализация и социальная адаптация; обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения и др. [8]

В связи с этим отмечается неуклонный рост интереса к историографии развития пенитенциарной системы. Интерес также обусловлен закрытостью темы и ограниченным доступом к архивным материалам, раскрывающим данную тему.

Многие вопросы, связанные с развитием пенитенциарной системы в дореволюционный период, актуальны и в настоящее время. Поэтому в целях

недопущения ошибок и для более эффективной реализации указанных выше задач необходимо прибегать к изучению опыта прошлого пенитенциарной системы.

Вопросам развития пенитенциарной системы посвящено множество работ историков и юристов, но, несмотря на это, многие вопросы остаются недостаточно освещенными.

Пенитенциарная система дореволюционного периода в процессе генезиса сталкивалась с рядом проблем, обусловленных социально-экономической ситуацией и недостаточной разработанностью нормативно-правовой базы. Большой ряд проблем (перенаселенность мест заключения; плохие условия содержания осужденных (недостаток воды, еды, антисанитария, низкое качество медицинского обслуживания или его полное отсутствие, распространение болезней); коррупция и жестокость среди тюремного персонала и администрации тюрем; система ссылки, широко применявшаяся в имперской России, которая не ставила задачу исправления, а лишь изолировала преступников в отдаленных регионах;

слабое материально-техническое обеспечение и низкий уровень организации труда в пенитенциарных учреждениях; отсутствие внимания к духовно-нравственному воспитанию заключенных; проблемы исправления осужденных, их ресоциализации и социальной адаптации в дальнейшем) нашел отражение в трудах отечественных исследователей.

Отечественную историографию по данной теме условно можно разделить на три периода – дореволюционный (до 1917 г.), советский (с 1917 по 1991 г.), постсоветский (с 1991 г. по настоящее время).

Историографический обзор мы будем осуществлять на основе хронологического принципа по проблемно-тематическим блокам.

Начнем с историографии дореволюционного периода, которая отличается довольно малым количеством научных работ, посвященных пенитенциарной проблематике.

К числу самых известных исследователей принадлежат такие ученые, как И. Я. Фойницкий, Н. С. Таганцев, С. В. Познышев, В. Н. Никитин, В. А. Уткин, С. Д. Сергеевский, С. К. Гогель, С. П. Мокринский, А. А. Пиантковский, Д. В. Краинский и др.

Один из самых значимых трудов дореволюционного периода – это работа отечественного ученого-правоведа, криминолога И. Я. Фойницкого «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением», опубликованная 1889 г. В данном исследовании затронуты проблемы наказания и тюрьмоведения. Ключевой темой выступает тема наказания. Автор отмечал, что цель наказания –

безопасность общества, устрашение, а также исправление.

Не обошел вниманием И. Я. Фойницкий и проблему ссылки. Он указывал на то, что ссылка государством применялась не только как вид наказания, но и, выходя за пределы карательных задач, выполняла функции заселения и усмирения вновь присоединившихся к государству земель. [14, с. 261] При этом автор отмечал, что ссылка оказывала неблагоприятное влияние на благополучие и нравственный уровень населения того региона, в который направлялись ссыльные. Отрицательно отзывался автор о содержании ссыльных, оставляемых без надлежащего надзора (недостаток съестных припасов, кормовые иногда совсем не выдавались). [Там же, с. 277]

В своей работе И. Я. Фойницкий подчеркивал, что наказание должно не только карать, но и исправлять осужденных, помогать им адаптироваться в обществе после отбывания срока. В то же время ссылка обходилась для государственного бюджета дороже, чем содержание тюрем. Создание благоприятных условий требовало больших материальных, физических и духовных затрат со стороны государства, к чему оно не было готово в то время. В целом И. Я. Фойницкий считал, что ссылка как вид наказания не была успешна. Все перечисленные недостатки делали ее как меру наказания непригодной и противоречащей задачам исправления осужденных.

Большое значение для пенитенциарной науки дореволюционного периода имел труд В. Н. Никитина «Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и

бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней». Автор затронул проблемы духовно-нравственного воспитания заключенных, ссылки, положения малолетних преступников, условий содержания арестантов в местах заключения и их исправления.

В. Н. Никитин отмечал, что ни одна из реформ в начале XIX в. не осуществлялась так медленно, как тюремная реформа.

Особая роль в данном исследовании отводилась проблеме условий содержания осужденных. К ссылке В. Н. Никитин также относился критично. Он отмечал, что тяжелое положение ссыльных (пересылка некоторых преступников в железных ошейниках, на цепи, менее важных – в кандалах, со связанными назад руками, чтобы не разбежались; наручники, которые часто не подходили по размерам; холодные климатические условия и холод от железа, который делал условия передвижения арестантов зимой невыносимыми и т. д.) причиняло им не только физические, но и духовно-нравственные мучения. В. Н. Никитин отразил в своей работе множество статистических данных, отчетов о затратах государственного бюджета на благоустройство уголовно-исполнительной системы дореволюционного периода.

Значительный вклад в развитие пенитенциарной науки внес С. В. Познышев, который по праву считается одним из основоположников юридической психологии в России. В. Н. Никитин и С. В. Познышев отмечали, что вплоть до XIX в. политика

государства была направлена на устрашение, а некоторые изменения стали наблюдаться лишь с начала XIX в. при Александре I с учреждением Общества попечительного о тюрьмах в 1819 г.

Советский период в исследовании пенитенциарной системы России XIX столетия характеризуется трудами таких исследователей, как: М. Н. Гернет, С. А. Гайдук, А. Е. Наташев, М. М. Исаев, Н. А. Стручков, А. С. Михлин, А. И. Зубков, Н. П. Ерошкин, Т. У. Воробейкова, А. Б. Дубровина, Н. Н. Щербаков В. А. Шелкопляс и др.

Существенный вклад в пенитенциарную науку внес отечественный ученый-правовед, специалист по уголовному праву доктор юридических наук М. М. Исаев. Его научный труд «Основы пенитенциарной политики», в котором были собраны и сообщены новейшие данные по пенитенциарной системе, опубликован в 1926 г. Автор описывал зарубежную и отечественную пенитенциарную политику, освещал проблемы ссылки, состояния отечественных тюрем, содержания душевнобольных и уменьшено-вменяемых в тюрьмах, вопросы организации труда заключенных и др. [6]

Стоит отметить также работу С. К. Сизова «Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом», в котором кратко и доступно обрисована картина дореволюционной тюрьмы. Автор отмечает, что пенитенциарная политика, применяемая государством на тот период в тюрьмах, не только не исправляла заключенных, а, наоборот, вызывала у них желание не быть трудоспособным

и общественно-полезным человеком при выходе из тюрьмы [12].

Однако особое место принадлежит работе «История царской тюрьмы» М. Н. Гернета, одного из наиболее известных отечественных ученых-юристов, который внес неоценимый вклад в становление и развитие отечественной пенитенциарной науки. Его труд посвящен истории царской тюрьмы дореволюционного периода. М. Н. Гернетом было проанализировано законодательство тюремной системы. Большое внимание в исследовании уделено Петропавловской и Шлиссельбургской тюрьмам. Эти тюрьмы на тот момент являлись местом заточения политических заключенных – декабристов, петрашевцев и участников других общественных движений XIX в. Автору удалось собрать материалы о многих политических узниках, заключенных в эти тюрьмы (Н. Г. Чернышевском, Д. И. Писареве, Н. В. Шелгунове и др). Также он подробно описал состояние Алексеевского равелина – отдела Петропавловской крепости, в котором содержались политические преступники в строгом одиночном заключении [1]. Без внимания не остались монастырские и помещичьи тюрьмы. М. Н. Гернет описал жестокое обращение помещиков с крепостными в помещичьих тюрьмах «...в процессе архивной работы нам попадался случай особенно возмутительной расправы помещика с крепостными, то казалось, что перед нами предел человеческой жестокости, дальше которого идти уже некуда...» [2, с. 10].

Постсоветский период характеризуется увеличением количества ра-

бот, посвященных дореволюционной тематике.

Особое место в отечественной историографии современного периода занимает работа А. П. Печникова «Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 г.)». В работе предпринята попытка на основе многочисленных архивных источников комплексно исследовать становление системы тюремных учреждений в России на протяжении трехсот лет [10].

Нельзя оставить без внимания юбилейное издание «Уголовно-исполнительная система, 130 лет», подготовленное коллективом авторов. В книге содержатся материалы, раскрывающие развитие системы исполнения наказаний с момента ее создания [3].

Определенный интерес представляют для нашего исследования работы Н. И. Нарышкиной, касающиеся проблем эволюции социального назначения и организации деятельности монастырских тюрем, назначения и функционирования тюрем в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы дореволюционного периода. Также в своих работах она сравнивает деятельность тюрем России и европейских стран, описывает пенитенциарную политику, проводимую европейскими странами [9].

В 2013 г. издается учебник Ю. А. Реента «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России», в котором история уголовно-исполнительной системы и органов юстиции рассматривается не только как специальная часть истории государственного управления России, но и как учебный предмет, основанный

на междисциплинарных связях отечественной истории, истории отечественного государства и права, уголовно-исполнительного права. В книге освещены основные закономерности в деятельности мест лишения свободы практически за весь период существования Российского государства – с конца IX по начало XXI в. [11].

Проблемам специфики развития пенитенциарной системы Российской империи в ее регионах посвящены работы О. Н. Бортниковой, Д. А. Ерина, И. Н. Федотовой, А. В. Власенко, О. О. Гармса, В. В. Казаченок, С. А. Лобовой, О. С. Мельниковой, И. В. Четвертаковой.

В диссертационной работе В. В. Казаченок «Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715 – 1917 гг.): историко-правовое исследование» предпринята попытка изучения становления и развития пенитенциарной системы на примере Казанской губернии в дореволюционный период [7, с. 6].

Особо следует отметить научные исследования, направленные на изучение специфики развития пенитенциарной системы во Владимирской губернии. В их числе интересны работы Д. А. Ерина, И. Н. Федотовой, И. В. Закурдаева и др.

Вопросы формирования Владимирской арестантской роты гражданского ведомства, организации и деятельности тюремных учреждений Вла-

димирской губернии освещены в ряде работ Д. А. Ерина. [4]

Изучение деятельности комитетов Общества попечительного о тюрьмах Владимирской губернии дореволюционного периода отразилось в работе И. Н. Федотовой. Здесь автор отмечает неэффективность и безрезультативность работы комитетов [13].

Большой интерес представляет книга И. В. Закурдаева «Владимирский централ. История Владимирской тюрьмы». Исследование посвящено истории одного из самых известных учреждений российской пенитенциарной системы, в народе именуемого «Владимирский централ» [5].

В целом все исследователи отечественной пенитенциарной системы XIX столетия придерживались мнения о ее неблагополучном состоянии, отсутствии систематизации уголовных наказаний и единой пенитенциарной системы.

В то же время в начале XIX века пенитенциарная система начала приобретать те черты, которые станут определять её дальнейший характер, наметился переход от мест заключения преступников к учреждениям, направленным на исправление и ресоциализацию осужденных. Взгляды на преступность и наказание в этот период претерпели значительные изменения, что было связано с влиянием просветительских идей и гуманистических течений.

Библиографические ссылки

1. Борисов И. Алексеевский равелин в 1862 – 1865 гг. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Алексеевский_равелин_в_1862-65_гг_\(Борисов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Алексеевский_равелин_в_1862-65_гг_(Борисов)) (дата обращения: 11.01.2025).

2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1961. 303 с.
3. Уголовно-исполнительная система. 130 лет / М. Г. Детков [и др.] ; редкол.: С. Х. Шамсунов [и др.]. М. : Юриспруденция, 2009.
4. Ерин Д. А. Владимирская арестантская рота гражданского ведомства в системе исполнения наказаний Российской империи в конце 30-х – 40-х гг. XIX в. // Вестник Владимирского юридического ин-та. 2007. № 2 (3). С. 233 – 235.
5. Закурдаев И. В. «Владимирский централ. История Владимирской тюрьмы». М. : Рипол-Классик, 2013. 328 с.
6. Исаев М. М. Основы пенитенциарной науки. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927 (М. : 1-я Образцовая тип.). 344 с.
7. Казаченок В. В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715 – 1917 гг.): историко-правовое исследование : автореф дис. ... канд. юридич. наук. Казань. 2014. 33 с.
8. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=602183702&page=1&rdk=1&ysclid=m5sk6feggx712804913#I0 (дата обращения: 11.01.2025).
9. Нарышкина Н. И. Социальное назначение и организация деятельности монастырских тюрем в России в XVI – XIX вв. // Вестник Владимирского юридического ин-та. 2008. № 1 (6). С. 248 – 252.
10. Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 г.). М. : Щит-М, 2004 (Клинцы (Брянская обл.) : Гор. тип.). 324 с.
11. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции : учебник. 3-е изд-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. 428 с.
12. Сизов С. К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. Армавир : Изд-во Армавирск. окр. ком. помощи заключенным, 1926. 22 с.
13. Федотова И. Н. Комитеты Общества попечительного о тюрьмах: задачи, состав, практическая деятельность (на материалах Владимирской губернии XIX в.) // Вестник Владимирского юридического ин-та. 2006. № 1 (1). С. 146 – 151.
14. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889 г. 504 с.

A. V. Lyapanov, E. F. Ibragimova

HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW OF THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM DEVELOPMENT IN THE 19TH CENTURY

The subject of the research is the historiography of the penitentiary system of the pre-revolutionary period. Analyzes the work on this topic, examines the points of view of leading penitentiaries, draws conclusions about the degree of study of the problem and outlines further ways to explore it.

Keywords: penitentiary system, penal enforcement system, pre-revolutionary period, humanization, re-socialization, social adaptation, prison studies, exiles, prisoners.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ЖМНП» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1892 г.: ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО С С. Ф. ПЛАТОНОВЫМ

Вводится в научный оборот часть деловой корреспонденции редактора «Журнала Министерства Народного просвещения» («ЖМНП») В. Г. Васильевского, адресованная своему помощнику С. Ф. Платонову. Она в полной мере позволяет увидеть напряженную, почти ежедневную их работу по выпуску авторитетного издания. Эта сторона их совместной работы остается малоизвестной. В 1890 г. академик, назначенный редактором правительственного издания, пригласил в помощники своего университетского ученика, быстро делавшего ученую, преподавательскую и начавшуюся административную карьеру. Ежемесячный журнал значительного объема требовал постоянной организаторской работы, переписки с авторами, чтения присылаемых материалов, их оценки прежде всего с научной точки зрения, внесения правок, уточнений, доработок. Немало времени тратилось на чтение рукописей и корректур. Хронологически публикуемые письма относятся к осени и зиме 1892 г. Они в целом позволяют составить мнение о письменном деловом общении руководителей журнала.

В основу исследования положены хронологический, ретроспективный и системный методы анализа.

Ключевые слова: В. Г. Васильевский, С. Ф. Платонов, «ЖМНП», деловая переписка, редакция, историография, архивное дело.

Имя В. Г. Васильевского (1838 – 1899) стоит в ряду выдающихся отечественных ученых XIX в. Он стал «основоположником научного византиноведения», «создателем первой школы русских византистов» [3, с. 34]. Осмыслению его биографии и творчества посвящены работы университетских учеников – объемное исследование И. М. Гревса [5, с. 27 – 84]. В мемориальной статье С. Ф. Платонов, касаясь «ученой критики» методологии источниковедческой работы В. Г. Васильевского, отмечал: «...эта сторона его ученого таланта, можно сказать, сверкала, как грань алмаза», он использовал источник “до последней мелочи” [12, с. 148]. Интересные наблюдения оставил и Н. Д. Чечулин [17].

Смена руководства «ЖМНП»

Многолетняя деятельность В. Г. Васильевского в «Журнале министерства народного просвещения», а начал он её помощником редактора в 1883 г. и в 1890 г. сменил Л. Н. Майкова на посту редактора, с недавних пор становится предметом специальных исследований [2, с. 18 – 29]. По мнению Е. Ю. Басаргиной, «Майков и Васильевский поставили журнал на очень высокий уровень...» [Там же, с. 21].

Встав во главе «ЖМНП», В. Г. Васильевский вводит некоторые новшества в редакционную политику: «...в журнале постепенно стали преобладать исторические сочинения», более «широко было представлено византиноведение» [Там же, с. 23 – 24].

Попутно о редакторстве В. Г. Васильевского писал М. А. Гончаров, заметивший, что «при нем издание сохраняло политематическую направленность, о чем свидетельствует его структура», но «несколько сузился первый отдел, являвшийся до этого ведущим в журнале» [4, с. 52 – 58].

Закономерный интерес представляет появление в редакции С. Ф. Платонова и к тому же на первых ролях – помощника редактора. Об этом лишь вскользь упоминают его биографы.

О намечавшихся переменах в редакции журнала было известно еще в феврале 1890 г. С. Ф. Платонов знал об этом, о чем свидетельствует его письмо от 10 февраля П. Н. Милюкову [1, с. 15 – 16]. Предстоящие же перемены он связывал (и оказался прав) с выборами В. Г. Васильевского ординарным академиком. А беседа с действующим еще редактором журнала Л. Н. Майковым позволила написать С. Ф. Платонову 25 февраля, что тот «оставляет журнал» [Там же, с. 16]. Вскоре – 1 марта – стало известно, что В. Г. Васильевский «от редактора не отказывается» [Там же, с. 19]. Сам С. Ф. Платонов загадочно писал о своей возможной новой сфере деятельности, не раскрывая сути вопроса М. А. Дьяконову, в ответе которого от 10 марта высказывались догадки: «Я не знаю о другом возможном назначении, но думаю, что Вы могли бы быть заместителем Веселовского... хотя, кроме Публичной библиотеки и редакции Ж. М. Н. Пр., не знаю, о чем и подумать» [7, с. 192].

Важные сведения по этому вопросу получаем из доверительных писем В. Г. Васильевского своему близкому коллеге К. Н. Бестужеву-Рюмину. Так, 15 апреля сообщал: «Мне внушили мысль, которую я усвоил, что помощником мне уже неуместно оставаться при всяком другом новом лице» [6, с. 275].

Хронология назначения нового состава редакции журнала прослеживается по переписке С. Ф. Платонова с П. Н. Милюковым. 10 мая С. Ф. Платонов писал, что В. Г. Васильевский «принимает Журнал от Майкова ... помощником редактора при Васильевском делаюсь я... Все это случится около 15 – 20 числа...» С. Ф. Платонов выдал «глубокий» секрет приглашения: «это мое назначение условно решено было давно (в феврале)» [1, с. 33]. 4 июля 1890 г. С. Ф. Платонов сообщал П. Н. Милюкову: «Вчера новая редакция ЖМНП вступила в дело...» [Там же, с. 36]. А В. Г. Васильевский по этому же поводу написал 15 июня К. Н. Бестужеву-Рюмину так: «С 5-го числа я считаюсь редактором... Вместе с Платоновым принимали дела от Майкова, хлопот было не особенно много...» [6, с. 278].

Так состоялось важное назначение, сыгравшее большую роль в дальнейшей административной карьере С. Ф. Платонова и продолжилось поступательное и стремительное движение и укрепление его влияния в учёной корпорации.

Несмотря на решения, которые не афишировались, определённая информация просачивалась и быстро

распространялась среди заинтересованной публики, прежде всего самого близкого круга лиц главных участников событий. Об этом свидетельствуют и письма друзей С. Ф. Платонова. Так, 16 июня М. А. Дьяконов писал: «Теперь надеюсь, можно Вас поздравить с вступлением в круг новых обязанностей по редакции. Не смею теперь просить Вас поделиться новыми впечатлениями: теперь у Вас, пожалуй, все время занято, но авось в свободную минутку черкнете и об этом. На первых же порах Вам, кажется, придется, нести все обязанности, так как Васильевский, кажется, уезжает в свой медвежий угол. Желаю Вам самых лучших успехов» [7, с. 203]. 21 июня 1890 г. К. А. Иванов, университетский друг С. Ф. Платонова, писал: «Что касается внешней, т[а]к сказ[ать] новости, об ней сообщил мне в письме Вас. Григорьевич (Дружинин – В. М.): от души поздравляю Тебя с нею, т. е. с утверждением в звании Помощника редактора... (de iure и редактора de facto?)» [8, с. 121]. Заметим, что подобная мысль была озвучена еще 15 апреля самим В. Г. Васильевским, писавшим К. Н. Бестужеву-Рюмину: «Фактическим редактором будет Платонов, который будет числиться моим помощником: он будет играть роль Майкова при Феокистове. Платонов от этого весьма не прочь» [6, с. 276]. Как показали дальнейшие события, этого не произошло.

А знакомство студента Платонова с именитым профессором состоялось на университетской скамье: С. Ф. Платонов по заданию В. Г. Васи-

льевого написал реферат, недавно опубликованный [13]. Так зародилась их совместная научная деятельность, которая «послужила началом долгих и близких моих отношений с незабвенным учителем» [14, с. 233], вспоминал много лет спустя ученик, ставший сам академиком.

В. Г. Васильевский не раз будет причастен к судьбоносным назначениям своего талантливому воспитанника: он способствовал замещению заболевшего Е. Е. Замысловского на кафедре, добился включения в Ученый комитет МНП. И вот новый столь значимый шаг.

Работа редакции журнала

В редакции был небольшой штат, среди сотрудников следует указать на многолетнего её секретаря Д. И. Георгиевского. Его имя довольно часто встречается в письмах. Небезынтересные оценки ему дает в дневнике Н. Н. Платонова. Так, 2 сентября 1890 г. Надежда Николаевна записала: «Сегодня целый день гости: сначала Дм[итрий] Ив[анович] Георгиевский – неприятный и пошлый господин...» [15, с. 36]. 13 января 1891 г. записано: «Вчера С. Ф. был у Ернштедта, нового редактора классического отдела...» [Там же, с. 47]. Интересной представляется запись, сделанная 14 октября этого же года: «Мы с С. Ф. часто говорим о том, что, собственно говоря, редакция... причиняет так много неприятностей С. Ф-чу благодаря властолюбию (кто бы мог этого ожидать) и безалаберности Васильевского, беспорядочности Ернштедта и халатности Георгиевского...» [Там же, с. 60]. Поэто-

му работа в журнале стала тяготить С. Ф. Платонова, и он «...частенько подумывает о том, не уйти ли ему из редакции, и останавливает его только одно: ему жаль Васильевского» [15, с. 60].

Новая порция недовольства была содержанием записи от 30 мая 1892 г., когда речь шла о вознаграждении мужу по редакции: «... эти 50 рублей в месяц, из к[ото]рых добрую половину С. Ф-ч отдаёт своему корректору за чтение корректур, достаются С. Ф-чу тяжёлым трудом: он несёт на себе такую львиную часть дела по журналу, что Вас[ильевско]му, по его собственному признанию, почти и делать нечего» [Там же, с. 88]. Эта запись появилась после переданного В. Г. Дружининым недовольства барона Розена о том, что Платонов берёт с В. Г. Васильевского «какие-то 50 рублей» [Там же, с. 88].

В летние отпускные дни порой приходилось с дачи, если она находилась недалеко от города, возвращаться по делам журнала. Свидетельством тому запись в дневнике Надежды Николаевны от 25 июня 1892 г. «Сегодня С. Ф. опять уехал в П[етер]бург, откуда вернётся третьего дня. Даёт-таки себя чувствовать журнал: наступают последние дни числа месяца, книжка запаздывает благодаря неаккуратности Ернштедта, к[ото]рый по две недели держит корректуры, не читая их; Вас[ильевск]ий на целый месяц уехал в деревню – вот бедный С. Ф. должен работать за всех: сидеть в городе, читать наспех корректуры, сердиться и волноваться...» [Там же, с. 89]. Далее

упомянута фамилия Л. Н. Майкова в связи с тем, что «он рекомендовал С. Ф. на место помощника редактора» [Там же, с. 90]. Это попутное замечание позволяет по-другому подходить к вопросу назначения: с подачи редактора «ЖМНП» официально ходатайствовал его преемник на этом посту. Если второе подтверждается документами, то первое требует дополнительной аргументации, следовательно, нужно привлекать другие источники.

При этом Надежда Николаевна вновь указывает, что журнал «берёт много времени и, что главное, портит много крови, не доставляя в то же время никакого удовлетворения душевного» [Там же, с. 90]. Появляется и новый аргумент против этого служения – боязнь, что оно может затянуть докторскую диссертацию мужа.

Так постепенно у С. Ф. Платонова накапливалось и созревало решение покинуть журнал, но нужен был безупречный повод, чтобы не обидеть своего учителя, принявшего столь активное участие в его карьере.

Деловая переписка

Публикуемые письма хранятся в личном фонде С. Ф. Платонова, первые папки архивных дел с подборками писем опубликованы [9; 10; 11] (всего 222 и одно в тексте вступительной статьи, так как датировано 1883 г.). Предлагаются к публикации следующие хронологически ограниченные сентябрем-декабрём 1892 г. (ОР РНБ. Ф 585. Оп. 1. Ч. 2. Д 2463. Л. 1 – 38). При этом укажем, что разбор писем выполнен архивным работником не в полной мере удовлетворительно. Об этом свиде-

тельствует, например, их датировка: так в папке, как, впрочем, и в других, хранятся письма, выходящие за рамки указанного периода. При этом само дело должно следовать за делом № 2459, где находится корреспонденция с февраля по август 1892 г., оно следует за делом под № 2462, где хранится корреспонденция за 1893 г.

Много писем в папке не датировано, правда имеются карандашные пометы С. Ф. Платонова с указанием последних цифр года «92». Поэтому можно установить только месяц с привлечением публикаций конкретных статей. С использованием этого вспомогательного инструмента мы датировем письма предыдущим месяцем перед выходом журнала. Хотя этот приём не всегда может быть верным. Отдельные же письма не датируются, кроме как с учетом пометы С. Ф. Платонова.

Особенностью публикуемой части корреспонденции является то, что написана она в большинстве случаев на типографских оттисках бланков с текстом: «Для памяти», а тексты небольшие. При этом представляют собой ценный историографический источник, в них содержатся редкие, ранее не известные оценки отдельных исследований как маститых авторов, так и начинающих путь в науку. В отдельных случаях позволяют установить авторство публикаций, помещенных без подписи, или только с указанием инициалов, что чрезвычайно важно для исследователей.

По ним можно судить о публикациях, которые получали редакция и редактор. В это время, например, в жур-

нале печаталась объемная диссертация В. Г. Форстена, представляющая собой фундаментальное исследование, часть неопубликованного из творческого наследия М. С. Куторги – родоначальника русского антиковедения [16].

Редакционные вопросы являются главной темой писем, позволяют проследить путь публикаций: от получения редакцией до выхода в свет. Но имеются и отдельные факты из личной жизни корреспондента, упомянуты, например, сыновья В. Г. Васильевского, сведений о которых совсем немного.

Не все намерения авторов, приславших материалы, были реализованы, например, ответ Н. И. Новосадского на критическую рецензию Ф. Ф. Зелинского, о котором не раз упоминается в письмах, так и не появился на страницах журнала.

Становится известным о том, как В. Г. Васильевский работал с рукописями, читая их порой не один раз, что идёт вразрез с мнением Н. Н. Платоновой. Встречались в статьях сомнительные выражения, необходимо было проверять по справочникам, словарям, вносить исправления, отправлять на переделку, делать приписки, трудности были в переводе с древних языков, хотя сам редактор был замечательным специалистом в этой сфере. На эти рутинные занятия тратилось много времени. Журнал же выходил ежемесячно. Ритм редакторских сотрудников не знал перерывов, поэтому такая напряженная переписка.

Помимо «ЖМНП», академик В. Г. Васильевский принимал активное участие в работе Академии наук, Уче-

ном комитете, Археологическом обществе, Обществе древней письменности, в других учреждениях и научных обществах, да еще и в университете. Многочисленные обязанности, к которым добавились редакторские, порой создавали некоторые проблемы. Так, иногда рукописи не находились, либо о них забывали.

Заключение и выводы

Вводимый в научный оборот интересный пласт эпистолярных материалов делового характера, написанный выдающимся ученым В. Г. Васильевским, в полной мере позволяет проследить работу редактора и помощника по изданию «ЖМНП» за небольшой промежуток времени. А полная публикация деловых писем позволит проследить развитие исторической мысли в России в 1890 – 1895 гг., они составляют картину ежедневной работы редактора по изданию одного из самых авторитетных правительственных журналов. Кроме того, письма дают картину вовлечённости С. Ф. Платонова в

сложный, непрерывный и напряжённый процесс работы редакции, очерчивают круг его обязанностей, стиль и методы взаимодействия с сотрудниками. Приходилось постоянно контактировать с десятками авторов, которые составляли ученую корпорацию России того времени, оказывать содействие в публикации исследований, например П. Н. Милюкову, М. А. Дьяконову и др.

Кроме того, возникает картина личных взаимоотношений между В. Г. Васильевским и С. Ф. Платоновым и возможность посмотреть на них сквозь призму теплых человеческих отношений.

В. Г. Васильевский предстаёт в новом качестве – редактора крупного журнала, что существенно расширяет наши представления о его многоплановой организаторской деятельности, как и его ближайшего помощника и ученика С. Ф. Платонова.

Нумерация писем сквозная с учетом уже опубликованных.

Приложение

Деловые письма В. Г. Васильевского

№ 223

[февраль 1892]¹

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

По латыни Рарадорulos, а по-русски – пусть будет Пападопуло – это даже лучше. Заметка Ернштедта столь малого объема², что не упоминание о ней в оглавлении не составляет беды. Не тревожьтесь из-за таких пустяков.

Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 27.

¹ Дата установлена по содержанию. Все материалы упомянутых авторов опубликованы в мартовской книжке.

² В апрельской книжке опубликована заметка «К Менендру» объемом 13 строк, в том числе 4 поэтических (с. 38). В оглавлении публикация указана. Следом помещена работа Пападопуло. Следовательно, письмо следует датировать мартом.

№ 224

[февраль 1892]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Любезный Сергей Федорович!

Багалею и Кеппену – обычное число оттисков.

О Модестове: сделана мною отметка на коррекционном листе: 50 оттисков переверстанных и сброшюрованных с титулом.

Иванцову следует 600 оттисков, переверстать особо текст речи и особо примечания и т. п.

NB. Прилагаемую статейку Бестужева нужно напечатать в этом месяце. Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 28.

№ 225

[февраль 1892]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Любезный Сергей Федорович!

В Фотие¹ все ещё остается много зла. Кроме новых вставок повторяются ошибки, уже два раза мною исправленные: особенно мне ненавистна буква ς bysantina. На стр. 131 – буква М совсем повалилась на бок, как будто спьяна. Я боюсь посылать в этом виде оттиск автору; он будет долго сокрушаться и опять напишет мне письмо... Пришлите по исправлении. Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 29.

№ 226

[3 мая 1892]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Не ошибкой попало в этот отдел на стр. 34 объявление о выставке? Я задержу листы до Вашего ответа².

Я написал Дмитрию Ивановичу, чтобы он дал напечатать объявление после официального отдела на особой странице. В этом смысле и нужно исправить то, что он накуролесил. Официальным известие бюро никак не следовало называть. Мечеслав принёс известие о смерти Грессера³.

В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 31.

¹ Речь идёт публикации А. М. Иванцова-Платонова «К исследованиям о Фотие, патриархе Константинопольском» (с. 121 – 280), помещенной в мартовской книжке. Следовательно, письмо написано в феврале.

² Этот текст написан С. Ф. Платоновым. Далее текст В. Г. Васильевского.

³ Грессер Пётр Аполлонович (1833 – 1892) – генерал-адъютант, генерал-лейтенант русской императорской армии (1883), в 1871 – 1878 гг. волынский губернатор, в 1882 – 1883 гг. Санкт-Петербургский обер-полицмейстер. Умер 3 мая, следовательно, письмо можно датировать этим числом.

№ 227

[25 – 26 августа 1891(?)]

Любезный Сергей Федорович!

Объявление от Мастерской учебные пособия¹ печатались у нас и раньше; я не знаю, брались ли за это деньги, но думаю, что раз можно напечатать и бесплатно.

Вчера вечером я был на выносе, а затем на панихиде по Кояловиче². Сегодня пойду в Лавру опять, если можно будет, а в университет не собираюсь: нет вицмундира. Ваш Васильевский.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 30.

№ 228

[около 27 августа] 1892³

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

Возвращаю Вам записку о Фирсове с приложением письма Беляева для прочтения.

Я не помню, был ли обозначен на рукописи Покровского (в г. Москве), напечатавшего статью об Афинской Политии в последней книжке, его адрес? Статью передал мне Виноградов. Не поможете ли Вы? Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 36.

№ 229

Дорогой Сергей Федорович!

Я не знаю пока, что можно сделать для Маака. Нужно будет завтра переговорить с Дмитрием. Собственными ресурсами не располагаю. Ваш Васильевский. 4 сент[ября].

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 1.

¹ С-Петербургская мастерская учебных пособий и игр, основана в 1878 г. Рекламное объявление было опубликовано в сентябрьской книжке.

² Коялович Михаил Осипович (Иосифович) (1828 – 23 августа [4 сентября] 1891) – российский историк, политический публицист и издатель. Ведущий представитель «западнорусской» исторической школы. Зная дату смерти, письмо следует датировать 25 – 26 августа 1891 г.

³ Дата устанавливается по материалам дневника Н. Н. Платоновой, где она делала записи по этому вопросу: 27 числа В. Г. Васильевский советовал послать Беляеву «копию с бумаги, написанной С. Ф. » (Платонова Н. Н. Дневник. С. 95). Поэтому письмо было написано в близко указанной дате.

№ 230

Дорогой Сергей Федорович!

Бершадского¹ отложим, но и Форстена не будем расширять (можно даже сократить); лучше заменим историю педагогики и напечатаем статейку Беллярминова², от которой всё одно мы не отделаемся, а в ноябре предстоит довольно много таких мелких статей. Книжка в целом никак не должна превышать 22 листов. Это вывод из расчета, который представил мне Дмитрий.

Есть ещё ответ³ Зелинскому Новосадского⁴; автор просил о сентябре или октябре, но хотя это и бесплатная статья, она мне не нравится; кажется, требует многих исправлений, а Виктор Карлович⁵ не взял на себя этой обязанности, хотя и имел полномочия от Новосадского, с которым вел переписку по данному поводу. Оставим её до 1 ноября.

Желаю Вам доброго здоровья – очень. Вам преданный В. Васильевский.

6 сентября 1892 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 2 – 2 об.

№ 231

[сентябрь 1892]⁶

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

Я у Форстена кое-что отметил, лёжа в кровати, но поправить не успел. Усердно прошу Вас взять на себя эту задачу. Я совсем забыл о статье Бершадского⁷. Что теперь и как делать? Ваш Васильевский.

Рассудите также об Иностранце: нельзя ли его в октябрь?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 32 – 32 об.

¹ Бершадский Сергей Александрович (1850 – 1896) – российский историк, юрист, экстраординарный профессор кафедры истории и философии права Санкт-Петербургского университета. Его статья «О наследовании выморочных имуществ по литовскому праву», опубликована (№ 11. С. 1 – 45).

² Беллярминов Иван Иванович (1837 – 1917) – русский педагог-историк. Речь идёт о публикации «Педагогический журнал Я. Г. Гуревича», подписанной И. Б. (№ 10. С. 53 – 59).

³ Не был опубликован.

⁴ Новосадский Николай Иванович (1859 – 1941) – российский и советский филолог-классик, палеограф и эпиграфист-эллинист. В мартовской книжке была опубликована критическая рецензия отмечены недостатки «филологической сноровки», «некоторые небрежности», «неподготовленность» автора, «грубые извращения», Цицерона (Зелинский Ф. Ф. Культ кавиров в Древней Греции. Н. И. Новосадского. Варшава, 1891. С. 248 – 271)

⁵ Речь идёт об В. К. Ернштедте.

⁶ Материал Г. В. Форстена публиковался и в октябре, и в ноябре, если про С. А. Бершадского забыли, но опубликовали в ноябрьской книжке, следовательно, письмо было написано в сентябре.

⁷ Бершадский Сергей Александрович (1850 – 1896) – российский историк, юрист, экстраординарный профессор кафедры истории и философии права Санкт-Петербургского университета.

№ 232

9 октября 1892 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Когда дойдёт очередь до статьи Кабеки¹, припомните, что корректуру автор желал сам читать. Он живёт: Николаевская, 75. Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 3.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 233

Дорогой Сергей Федорович!

Полученное мною вчера с начала от П. В. Никитина², потом от Вас известие о назначении мне денег в университете на лечение было для меня сюрпризом. Я полагал, что об этом речь будет впереди, когда я действительно соберусь ехать куда-нибудь в теплые края. Но отказываться не приходится и делопроизводства останавливать не следует. Я уже попрошу Вас самих, Сергей Федорович, взять на себя труд получения суммы, величины которой пока не знаю. Не чуждо мне представление, что операция потребует от Вас порядочных хлопот (хождение в казначейство); но, по крайней мере, могу Вам сказать, что торопиться не нужно и Вы исполните мою просьбу, когда представится более удобный случай.

Прилагаю записку на имя Ф.-Сороцкого с заявлением, что талон должен быть передан Вам.

Благодарю Надежду Николаевну и Вас за теплое участие к моему положению. Вчера я чувствовал себя совсем хорошо, да и сегодня мне недурно. Желал бы надеяться, что я вступил на путь поправления. Объясняется перелом, пожалуй, и тем, что я, наконец, возмутился и отбросил все лекарства, которыми меня пичкали в продолжении трёх месяцев. Ваш В. Васильевский. 13 окт[ября] 1892.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 4 – 5 об.

№ 234

16 октября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Из прилагаемой довольно грубой записки Новосадского Вы увидите, что он непременно желает читать корректуру своего ответа. Первым моим движением было совсем отказаться от печатания; но зачем быть так жестоким и мстительным? Пошлём ему корректуру, но с объяснением, что мы долго ждать не можем и в свою очередь прибавлений и восстановлений не желаем...

¹ Кобеко Дмитрий Фомич (1837 – 1918) – российский государственный деятель, историк, библиограф. Речь идёт о статье «Где находится упоминаемый в летописях город Бездеж?» (№ 11. С. 148 – 155).

² Никитин Пётр Васильевич (1849 – 1916) – филолог-классик, заслуженный и почётный профессор, а также ректор Санкт-Петербургского университета, академик.

Прилагаю заметку Никольского о Христофоровом открытии¹ для мелкого шрифта. Ваш Васильевский.

Р. С. Новосадскому я написал, но ещё не послал.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 6.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 235

17 октября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Сообщаю Вам для сведения записку, которую я написал для Виктора Карловича. А кстати, Вы и напишите адрес на конверте, так как я его не помню. Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 7.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 236

17 октября 189.

Дорогой Сергей Федорович!

В статье² о медресе много арабских и турецких терминов, и я боюсь, чтобы они не оказались в печати у нас искаженными. Поэтому мне хочется показать корректуру бар[ону] Розену, а предварительно прочесть её с рукописью в руках, о доставлении которой, пожалуйста, распорядитесь. Ваш Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 8.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 237

[октябрь] 1892

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1892».

Дорогой Сергей Федорович!

Не будем изменять решения относительно Бершадского. Ничего, если книжка будет и менее 22 листов. Никитин даёт некролог³. Наука только к ноябрю. К Форстену мне неловко обращаться. Подождите ещё немножко. Большой важности не составит, если он не успеет сделать у нас в журнале тех неважных поправок, каких я желал. Третьего листа совсем не указывал нужным ему посылать...

¹ Рецензия на книгу Дж. Уинсора в переводе на русский язык Ф. И. Булгакова опубликована без подписи в декабрьской книжке (с. 408 – 409).

² Речь идёт о статье Ф. М. Керенского «Медресе Туркестанского края», опубликованной в ноябрьской книжке (с. 18 – 52). Автор публикации Керенский Фёдор Михайлович (1837 – 1912) – педагог, деятель просвещения, директор гимназий, глава Туркестанского учебного округа.

³ Некролог, посвященный академику А. К. Науку, был опубликован в ноябрьской книжке 1893 г., хотя он умер 3 (15) августа 1892 г., вероятно, ожидался для октябрьской, следовательно, письмо можно датировать октябрём.

Советую Вам завтра сидеть дома. У Дмитрия не оказалось денег для Маака. Забыл об этом Вам сказать раньше. Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 33.

№ 238

[октябрь] 1892

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

Прилагаемую при сём статейку Лопарева¹ можно пустить в ноябрьскую книжку, так как он ждёт долго, а статья оказывается после сокращений очень маленькой. Ваш В. Васильевский.

Как Ваше здоровье? Будьте осторожны.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 34.

№ 239

[октябрь 1892]

Дорогой Сергей Федорович!

Я думаю, что можно отложить до декабря Никольского².

В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 37.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 240

[октябрь 1892]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

При соображениях о ноябрьской книжке мы, кажется, забываем об ответе Новосадского, который следует вытребовать у Виктора Карловича.

Решите, можно ли исполнить просьбу Гуревича³.

Ваш В. Васильевский.

На случай, если Вас нет дома, я велел отнести объявление прямо в типографию.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 38

¹ Действительно, рецензия была опубликована в ноябрьской книжке (с. 156 – 162). Следовательно, письмо можно датировать октябрём.

² Его рецензия была опубликована в ноябрьской книжке, следовательно, письмо нужно датировать октябрём.

³ Речь идёт об объявлении про журнал «Русская школа», редактором которого был Я. Г. Гуревич. Публикация была в ноябрьской книжке на двух страницах.

№ 241

14 ноября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Был у меня Юров; он завтра уезжает; извинялся перед Вами, что не успел зайти, и просил передать Вам десять рублей, которые Вам должен.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 9.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 242

16 ноября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Прикажете сделать указанные автором исправления в ответе Новосадского и за тем доставить мне два экземпляра опять в гранках.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 10.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 243

17 ноября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Очень рад, что Чечулин¹ согласился на Ваше предложение. Но статьи Булича² пока нет на месте; он взял её для исправлений и, вероятно, возвратит в четверг. Книги у меня тоже нет. Вторая часть печаталась в Ученых записках Каз[анского] университета; но это тянулось долго, так что начало относится ещё к Майковскому периоду. Возвращаю заметку³ о Буасье с проектом сокращений. В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 11.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 244

20 ноября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю три статейки для мелкого шрифта, полученные сегодня от К. Н. Бестужева-Р[юмина], а также пятьдесят рублей, вложенные внутрь.

¹ Чечулин Николай Дмитриевич (1863 – 1927) – русский историк, археограф, коллекционер, чл.-кор. АН. Речь идёт о рецензии на книгу Н. Булича «Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам. Ч. 1.», вышедшую в 1891 г.

² Булич Николай Никитич (1824 – 1895) – историк русской литературы, чл.-кор. АН.

³ Речь о рецензии на книгу Г. Буасье «Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке». Перевод с французского под редакцией и с предисловием М. С. Корелина (№ 12. С. 406 – 408. Б/п).

Бестужев просил напечатать их в декабрьской книжке¹. Я обещал. Булич вчера не был. Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 12.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 245

25 ноября 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Из прилагаемой записки Новосадского Вы увидите, что набор его статьи следует снять, но Вы говорили о возможной с нашей стороны любезности – дать автору на память два-три оттиска. Если нет к тому препятствий, прошу Вас распорядиться. Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 13.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 246

28 ноября 1892

Я прочитал Никольского² и Шестакова³; в конце статьи последнего я сделал приписку, которая возложила на меня обязательство написать 2-3 страницы в январе⁴. Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 14.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 247

5 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Если увидите Ернштедта, то напомните об адресе Крашенинникова⁵.

Я надеюсь побывать у Дружинина в понедельник. Сегодня вечером собираюсь к Ламанскому⁶, а завтра нужно быть у Страхова¹ и Барсукова². Ваш Васильевский.

¹ Речь идёт о рецензиях: одна на книгу Р. В. Зотова «О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время»; 2. На книгу А. Барсукова «Род Шереметевых. Кн. 6», опубликованных без подписи. Третьей нет.

² Речь идёт о рецензии на книгу «Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. IX. СПб. 1892. Продолжение» Издание вышло в 15 т.

³ Речь идёт о рецензии на книгу «Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. II Византийское отделение. Одесса. 1892».

⁴ Вероятно, для рубрики «Книжные новости», где публиковались небольшие рецензии без подписи. Публикации на упомянутую тему не выявлено.

⁵ Крашенинников Михаил Никитич (1865 – ?) – филолог-классик.

⁶ Ламанский Владимир Иванович (1833 – 1914) – русский историк и славист, академик.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 15.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 248

8 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Искал тетрадь, которую мог у меня оставить Виктор Карлович, я пока не нашёл. Однако я никак не верю в возможность совсем потерять такую вещь, как перевод журнала. Нужно надеяться, что по прежним примерам – всё отыщется в бумагах Ернштедта...

Посылаю две рецензии: обе нужно печатать в январе.

В. Васильевский.

NB. Вчера мне не здоровилось и началось это ещё с понедельника.

P. S. Посылаю Кормленную книгу³, если желаете с ней ознакомиться – до пятницы вечера.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 16.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 249

9 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Нельзя ли Кауфмана⁴ поменьше. Я заметил, что на наших читателей он производит удручающее впечатление... Опять будут говорить, что в (январской) книжке нечего читать. Итак, с точки зрения занимательности номера желательно разнообразие и, следовательно, Михайлов⁵, и в умеренном количестве Кауфман и Форстен. Завтра поговорим подробнее.

Сегодня пока я на ногах⁶, сижу, а не лежу на диване⁷.

¹ Страхов Николай Николаевич (1826 – 1896) – русский философ, публицист, литературный критик, чл.-кор. АН.

² Барсуков Николай Платонович (1838 – 1906) – русский археограф, историк и писатель, библиограф.

³ Кормлёная книга – это окладная книга денежного жалования боярам, окольным, московским дворянам, дьякам, служилым иноземцам, казачьим и стрелецким сотникам.

⁴ Кауфман Илларион Игнатьевич (1847/1848 – 1915) – русский учёный-экономист. Речь идёт о статье «Государственный долг Англии с 1688 года до настоящего времени», опубликованной в № 12 (с. 209 – 286). Продолжение было в следующих номерах за 1893 г.

⁵ Михайлов Александр Васильевич (1859 – 1927) – русский и советский филолог, историк русского языка, литературы и письменности, чл.-кор. АН СССР. Речь идёт о статье «К вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений» (1893. № 1. С. 15 – 59).

⁶ Далее слово на иностранном языке неразборчиво.

⁷ Далее два слова на иностранном языке неразборчиво.

Ваш В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 17.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 250

12 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Коркунова заметку¹ можно отложить до февральской книжки, так как он говорит об одном из ближайших номеров, да и по содержанию она не заключает в себе чего-либо уж очень животрепещущего... Мне скорее хотелось бы дать известие о новой находке по Кирилло-Мефодиевскому вопросу, да не знаю, удастся ли это устроить. Завтра буду писать свою заметку. В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 18.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 251

20 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Относительно рецензии Радлова² нужно Вам сказать, что я прочитал её теперь с большим вниманием. Меня смущает не столько непочтительность к Редкину – они вознаграждаются дальнейшим более симпатичным упоминанием о нём, сколько рассуждение о возникновении монастырей. Я поговорю с Радловым, а пока Вы не пускайте статьи в вёрстку.

Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 19.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 252

21 декабря 1892

Посылаю Вам, Сергей Федорович, свою заметку на Кирпичникова³: она не дописана, но осталось очень немного – не более одной страницы. Это я dokonчу теперь же утром. Если Петров не доставит сегодня предисловия к латинскому тексту, придётся его отложить до февраля. Ваш В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 20.

На типографском бланке «Для памяти».

¹ Речь идёт о публикации «Время первого учреждения губерний», опубликованной в февральской книжке 1893 г. (с. 292 – 295).

² Не опубликована.

³ Кирпичников Александр Иванович (1845 – 1903) – русский историк литературы, филолог, профессор Харьковского, Новороссийского и Московского университетов, чл.-кор. АН. В № 1 за 1893 г. В. Г. Васильевский опубликовал статью «О севастократориссе Ирине», А. Кирпичников поместил в следующем номере «О письмах монаха Иакова (Письмо к редактору)». На эту заметку В. Г. Васильевский и хотел написать ответ.

№ 253

21 декабря 1892

Посылаю Вам, Сергей Федорович, окончание своей заметки.

Прилагаю пятьдесят рублей. Наш председатель Георгиевский¹ серьезно заболел. Опасались за его жизнь (Гиршгорн²); теперь лучше.

Я отдал протокол со своими замечаниями. В. В[асильевский].

Форстена почитаю.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 21.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 254

22 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Петров принёс вчера вечером небольшое предисловие к латинскому тексту Анастасия; таким образом, хотя и не буквально, он сдержал своё обещание. Нужно и нам исполнить своё – поместить статейку в январской книжке. Прикажете поскорее набрать и пошлите корректуру автору³.

Таврическая 19, IO 19, 10. Он обещал сделать поправки и тотчас возвратить: если утром, то даже с нашим посланным.

Александренко⁴, должно быть, прочитал pos вместо quod, которое совсем необходимо.

Прочее я пробежал и сделал кое-какие отметки. В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 22.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 255

24 декабря 1892

Любезный Сергей Федорович!

Относительно статьи, рекомендуемой Дьяконовым⁵, можно отвечать, что пусть автор присылает, а хотя если она окажется очень хорошей, то будет напечатана, конечно, однако, не очень скоро и, может быть, в летнем месяце.

В. В[асильевский].

Жена и дети поздравляют Вас с Новым годом и буду писать сам, когда поправлюсь. Теперь меняхватила инфлюэнца. Привет наш семье Вашей. Вам преданный Платонов⁶.

¹ Георгиевский Александр Иванович (1830 – 1911) – председатель Учёного комитета Министерства народного просвещения (1873 – 1898).

² Гиршгорн Адам Юльевич (1829 – 1897) – врач и общественный деятель,

³ Речь идёт о публикации «Письмо Анастасия Библиотекаря».

⁴ Александренко Василий Никифорович (1861 – 1909) – русский историк и юрист.

⁵ Дьяконов Михаил Александрович (1855 – 1919) – русский историк права, академик.

⁶ Последний абзац написан рукой С. Ф. Платонова.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 23 -23 об.

На типографском бланке «Для памяти».

№ 256

[24 декабря] 1892¹

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «92».

Дорогой Сергей Федорович!

Советую Вам сидеть дома. Никаких важных дел сегодня не предвидится

Ваш В. В[асильевский].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 35.

№ 257

27 декабря 1892

Дорогой Сергей Федорович!

Это не обязательно, но мне вдруг представилось, что Вы, пожалуй, будете после роптать на меня, если бы я Вас не уведомил о предполагающемся сегодня в 4 часа поздравлении Куника² в его квартире с пятидесятилетием его пребывания в России и служения русской науке. Затем рассчитывают, захватив его, устроить где-то обед – сколько возможно простой.

Статью Петрова следует, по-моему, напечатать в ученом отделе, дав ей заглавие «Письмо Анастасия Библиотекаря. Новый источник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу».

Сделайте милость, одолжите на несколько времени шестой том Соловьева (Иоанн Грозный): у меня его нет, купить не собрался, а он нужен для моего сына, которого к Вам и посылаю.

Кланяюсь Надежде Николаевне. В. Васильевский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 24-24 об.

№ 258

29 декабря 1892

Меня смущает Гильом Фише в статье-письме Лежера. Подлинник, вероятно, остался у Майкова. Если бы стояло Fisher то, это был бы Фишер – скорее англичанин. Возвращаю Вам лист с назначением размера гонораров³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 25.

На типографском бланке «Для памяти».

¹ Дата устанавливается из текста предыдущего письма.

² Куник Арист Аристович (1814 – 1899) – российский историк, академик.

³ Письмо без окончания.

Пожалуйста, Сергей Федорович, обратите внимание на приписки в отделе книжных новостей. Хотя тут названы книги, полученные не редакцией, а лично мною, но это не повредит делу.

На будущий месяц уже обещана одна новая рецензия – професс[ором] Дриновым¹.

Ваш В. В[асильевский].

Благодарю за письмо к Иванцову.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «91-2».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2463. Л. 26.

Библиографические ссылки

1. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Феория, 2011. Т. 2. Кн. 1. 320 с.

2 Басаргина Е. Ю. В. Г. Васильевский как редактор «Журнала Министерства народного просвещения» // Spicilegium Byzantino-Rossium : сб. ст. к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / ред. Л. А. Герд. М. ; СПб. : Индрик, 2015. С. 18 – 29.

3. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб. : Наука, 2000. С. 3 – 79.

4. Гончаров М. А. «Журнал Министерства народного просвещения» и его роль в формировании научно-педагогического потенциала России в XIX – начале XX века // Библиотекосведение. 2012. № 2 (58). С. 52 – 58.

5. Гревс И. М. В. Г. Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики // Журнал Министерства Народного просвещения. 1899. Ч. 324. № 8. С. 27 – 74.

6. Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А. В. Малинов. СПб. : Русская культура, 2021. 328 с.

7. Митрофанов В. В. Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 28 января 1890 по 24 июля 1891 г. // Вестник Альянс-Архео. 2023. Вып. 41. С. 173 – 224.

8. Митрофанов В. В. Межличностные коммуникации К. А. Иванова с С. Ф. Платоновым (1883 – 1891 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2023. Т. 5. Вып. 1. С. 96 – 135.

9. Митрофанов В. В. «Поздравляю себя с приобретением желанного сотрудника»: письма В. Г. Васильевского С. Ф. Платонову (1885 – 1890) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2023. № 4. С. 17 – 30.

10. Митрофанов В. В. «Пожалуйста, распорядитесь согласно с обстоятельствами...»: письма В. Г. Васильевского С. Ф. Платонову по редакционным во-

¹ Дринов Марин Стоянов (1838 – 1906) – болгарский историк и филолог. Рецензии в журнале за указанные годы не выявлено.

просам (январь – август 1891 года) // Вестник Удмуртского университета, 2024. Серия История и Филология. Т. 34. Вып. 1. С. 219 – 233.

11. Митрофанов В. В. Письма В. Г. Васильевского С. Ф. Платонову по редакторским вопросам «ЖМНП» (декабрь 1890 – 20 сентября 1893 г.) // Вестник Альянс-Архео, 2024. Вып. 47. С. 138 – 216.

12. Платонов С. Ф. Василий Григорьевич Васильевский (1899) // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 2010. Т. 3. С. 145 – 148.

13. Платонов С. Ф. О местожительстве готов-тетракситов / публ. И. П. Медведева // Античная древность и Средние века, 2011. Вып. 40. С. 393 – 408.

14. Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 2017. Т. 5. С. 214 – 245.

15. Платонова Н. Н. Дневник (1889 – 1921) / рук. проекта А. Н. Цамутали. Рязань, 2020. 881 с.

16. Скворцов А. М. М. С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения М. С. Куторги) // Вестник Челябинского государственного ун-та, 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 125 – 130.

17. Чечулин Н. Д. Памяти учителей: К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский, Л. Н. Майков. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 24 с.

V. V. Mitrofanov

THE ACTIVITIES OF THE “JOURNAL OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION” IN THE SECOND HALF OF 1892: BUSINESS CORRESPONDENCE BETWEEN V. G. VASILEVSKY AND S. F. PLATONOV

A part of the business correspondence of the editor of the “Journal of the Ministry of Public Education” V. G. Vasilievsky, addressed to his assistant S. F. Platonov is introduced into the scientific discourse. It fully allows us to see their tense, almost daily work on the issue of the authoritative publication. This aspect of their joint work remains little known. In 1890, an academician appointed editor of a governmental publication invited his university student, who was rapidly developing his academic, teaching and administrative career. The monthly journal of considerable volume required constant organizational work, correspondence with authors, reading of sent materials, their evaluation, first of all, from the scientific point of view, making edits, clarifications, and revisions. Much time was spent on reading manuscripts and proof-reading. Chronologically, the published letters refer to the autumn and winter of 1892. On the whole, they allow us to form an opinion about the written business communication of the journal's leaders.

The research is based on chronological, retrospective and systematic methods of analysis.

Keywords: V. G. Vasilievsky, S. F. Platonov, “Journal of the Ministry of Public Education”, business correspondence, editorial board, historiography, archives.

**УЧАСТИЕ КОСТРОМСКИХ ИКОНОПИСЦЕВ
В РОСПИСИ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ В 1656 – 1691 ГГ.**

В статье изучается деятельность костромских иконописцев во второй половине XVII века, что является логическим продолжением ранее опубликованных исследований автора. Источниковая база исследования включает сборники документов, опубликованных до революции 1917 г.; документы, опубликованные В. Г. Брюсовой в своих трудах; труды дореволюционных авторов. В ходе работы использовались общеисторические методы исследования. Системный подход, позволяющий рассмотреть взаимодействие иконописцев и власти во множественных связях и отношениях; историко-генетический, примененный для характеристики изменений деятельности иконописцев; сравнительно-исторический, использованный для сопоставления особенности деятельности изографов в городах, храмах и монастырях; сравнительный – для характеристики биографий иконописцев. Кроме того, использовались методы, заимствованные из других наук: математико-статистический – для анализа динамики изменения количества иконописцев и их возрастных групп. В советской историографии большое внимание уделялось деятельности Гурия Никитина. В начале 2000-х гг. появляются работы, посвященные деятельности других иконописцев. В то же время комплексное исследование деятельности костромских иконописцев во второй половине XVII в. отсутствует. Поэтому в статье ставится задача комплексного исследования участия костромских иконописцев в росписи храмов и монастырей с 1655 г. до конца XVII в.

Ключевые слова: иконописец, фреска, изограф, роспись, артель, школа, храм, монастыри.

После окончания чумы в 1655 г. начинают возрождаться города, строятся храмы и монастыри; активно приглашаются писать иконы и расписывать стены церквей и обителей изографы и иконописцы.

Источниковая база исследования состоит из сборников документов, опубликованных до революции 1917 г. [6; 9] Отдельно стоит отметить документы, отраженные В. Г. Брюсовой в

своих трудах [1; 3]. Часть из них была утрачена в ходе пожара в Государственном архиве Костромской области в 1982 г. В настоящей статье используются труды дореволюционных авторов [13; 17; 34]. Были исследованы источники, найденные в Государственном каталоге Российской Федерации.

В связи с тем что исследование больше историческое, в ходе работы

использовались общеисторические методы исследования. Системный подход, позволяющий рассмотреть взаимодействие иконописцев и власти во множественных связях и отношениях; историко-генетический, примененный для характеристики изменений деятельности иконописцев; сравнительно-исторический, использованный для сопоставления особенности деятельности изографов в городах, храмах и монастырях; сравнительный – для характеристики биографий иконописцев. Кроме того, применялись методы, заимствованные из других наук: математико-статистический – для анализа динамики изменения количества иконописцев и их возрастных групп.

В советской историографии большое внимание уделялось деятельности Гурия Никитина [1; 3]. К началу 2000-х гг. было отреставрировано большое количество икон и стенописей, поэтому на основе вновь открытых источников появляются новые публикации. В отличие от предыдущих работ в новых публикациях уделяется внимание другим иконописцам. В 2002 г. выходит статья С. С. Катковой, посвященная наследованию «ремесла» в семьях костромских иконописцев [16]. В 2004 г. появляется каталог, посвященный костромской иконе. В фундаментальном издании имеется вступительная статья, посвященная костромской иконописи [20]. Большое значение имел выход в 2003 г. словаря иконописцев XI – XVII веков под редакцией И. А. Кочеткова [31]. В 2009 г. вышло второе дополненное издание.

В словаре впервые были собраны сведения обо всех костромских иконописцах, а также ссылки на документы и литературу, в которых встречается их деятельность. Однако в настоящее время комплексное исследование, посвященное деятельности костромских иконописцев во второй половине XVII в., отсутствует.

Поэтому в статье ставится задача комплексного исследования участия костромских иконописцев в росписи храмов и монастырей с 1655 г. до конца XVII в.

Впервые после окончания чумы костромские иконописцы упоминаются в сентябре 1657 г., когда Пушкарёв Леонтий Емельянов вместе с С. Ф. Ушаковым и другими иконописцами писал шесть дней «на государеве патриарше дворе на дорогах у внешних сторон на церкви стенное письмо» [31, с. 652]. С 1652 по 1656 г. на патриаршем дворе возводился пятиглавый храм Апостола Филиппа, который в 1680 – 1681 гг. пересвятили в честь Двенадцати Апостолов [28, с. 340]. О стиле и характере росписи в литературе ничего не упоминается.

В этом же году Семён Павлов «с товарищами» расписывал Архангельский собор в Москве [34, с. 131]. По мнению других исследователей, в этом году в соборе работы не проводились [7, с. 139]. В этом году царь Алексей Михайлович «указал в Архангельском соборе писать стенным письмом, где что не дописано» [Там же]. В связи с этим составляется список иконников «бывшим на Москве у

соборного дела» [7]. В этом списке были костромские иконописцы.

В сентябре 1658 г. иконописцы Севастьян Дмитриев, Харитон Семёнов, Юрий Иванов, Семён Павлов, Иван Кирилов, Аким Андреев «писали пять икон праздничных» [6, с. 430]. В источниках название храма или монастыря не упоминается. Из шести иконописцев Семён Павлов и Аким Андреев были костромичами. Аким Андреев родом из д. Жарки [1, с. 11]. О более ранних его работах ничего не известно.

17 июля 1659 г. священник церкви Иоанна Предтечи Переславля-Залесского Феодор отдал своего сына Никиту «иконному письму учиться» у костромских иконописцев [9, с. 23]. Следовательно, костромские иконописцы являлись хорошими и опытными учителями.

В этом же году костромские иконописцы Емельян Дмитриев Пушкарёв, Сергей Васильев Рожков, Конон Григорьев Попов, Стахей Митрофанов дали поручную запись находиться у государевых иконописных дел вместе с московскими иконописцами [Там же]. В конце 1650-х гг. в Москве знали и высоко ценили данных иконописцев. Емельян Дмитриев Пушкарёв 10 сентября 1660 г. был отпущен из Москвы в Кострому, так как «он ногами скорбен» [Там же]. В 1660-е гг. Пушкарёв Емельян и Попов Конон в росписях храмов участия не принимали. В последующие годы участвовали в расписывании храмов Сергей Васильев Рожков и Стахей Митрофанов. Та-

ким образом, прослеживается историческая преемственность иконописцев. Следовательно, чума не прервала развития иконописи в Костроме. В конце 1650-х гг. в столице трудились костромские иконописцы: Пушкарёв Леонтий Емельянов, Семён Павлов, Аким Андреев, Емельян Дмитриев Пушкарёв, Сергей Васильев Рожков, Конон Григорьев Попов, Стахей Митрофанов.

29 мая 1660 г. под наблюдением Симона Ушакова [13, с. 50] расписывал двери в церкви преподобномученицы Евдокии иконописец первой статьи Семён Павлов Костромитин [34, с. 167]. Судьба дверей не известна.

15 января 1660 г. для росписи Архангельского собора из Костромы были вызваны следующие иконописцы: Семён Павлов, Сергей Васильев, Леонтий Емельянов, Емельян Пушкарёв, Иван Кирилов, Вавило Семёнов, Филипп Запорожский, Иван Лопачев [9, с. 50]. Таким образом, для росписи Архангельского собора в Москве были вызваны восемь костромичей. Среди них Гурия Никитина и Силы Савина нет. 12 мая этого же года в Москву из Костромы были посланы следующие иконописцы: Семён Павлов, Филипп Васильев, Иван Кирилов, Григорий Мартынов, Сила Савельев, Гурий Микитин, Яким Ондреев, Фрол Леонтьев. Из них не были посланы: Емельян Пушкарёв, так как болен ногами, Дунайко Данилов стар, не видит [9, с. 33]. Таким образом, из восьми запрошенных иконописцев в Костроме оказались двое: Семён Павлов и Еме-

льян Пушкарёв. Емельян Пушкарёв был болен. Сергей Васильев Рожков в это время уже работал в столице [9]. Иван Дьяконов жил в Москве. Григорий Иванов Попов, Вавило Семёнов с братом уехали из Костромы [Там же]. В Москву отправились работать восемь иконописцев. Из них семь человек, согласно имеющимся источникам, ранее в столице не трудились. В этом же году впервые упоминается Гурий Никитин.

В этом же году в Костроме остались следующие иконописцы: Емельян Пушкарёв с сыном иконописцем Левкою; Григорий Попов с двумя сыновьями-иконописцами; Ивашка Осипов, Колпашников он же, Филка Деев, Аврамко Парфеньев Богоявленского монастыря. Крестьяне-иконники же, Чудова монастыря погосту Шулги: Микита Герасимов, Федка Герасимов прозвище Макаровы [Там же, с. 34]. Причина неявки Васцына Филиппа Деева в Москву не известна. Пушкарёв Леонтий Емельянов в это время отправился «по обещанию для скорби молится к Соловецким чудотворцам» [35, с. 222]. Ивашка Осипов к этому времени уехал в Угличский уезд [34, с. 204]. Таким образом, иконы, написанные костромичами, ранее находились или находятся в храмах и монастырях Угличского уезда. Григорий Попов уехал в Юрьев-Польский «для своего промысла» [35, с. 219]. В храмах Юрьева-Польского находились иконы костромских иконописцев. Парфеньев Авраам, крестьянин Богоявленского мужского монастыря, «сбрел за месяц до госуда-

ревы грамоты покормится на иной город, а того не ведаем куды...» [31, с. 472]. Микита Герасимов и Федка Герасимов по прозвищу Макаровы «пишут иконы беспрестанно» в Чудов монастырь и в «здешний монастырский обиход икон написать не успевают; а брат их Гараска иконново письма писать не умеет, а у нас Государь в монастыре и в вотчинах монастырских кроме тех двух братьев иных иконописцев ни где нет и писать будет в монастыре без них икон не кому» [9, с. 41]. Следовательно, костромские иконописцы работали в Угличском уезде Ярославской губернии и в Юрьевском уезде Владимирской губернии, в Чудовом монастыре в Кремле. В данных храмах и монастырях находились иконы «костромской школы иконописи». В некоторых монастырях ощущалась нехватка иконописцев.

Из-за русско-польской войны 1654 – 1667 гг., обнаружения протечки в кровле [7, с. 140] в 1650-х – начале 1660-х гг. собор не был расписан. В то же время костромские иконописцы в столице оказались.

В 1661 г. в «набережном тереме у государева знамени» и Золотой палате были костромские иконописцы второй статьи Семён Андреев и Иван Иосифов, Константин Григорьев [34, с. 223]. Про остальных иконописцев сведений нет. Не упоминаются они и среди иконописцев, вызванных для росписи Архангельского собора. В то же время расписывать Золотую палату могли только опытные иконописцы. Данные памятники не сохранились.

В 1662 г. артель Гурия Никитина расписала главу и своды Троицкого собора Данилова монастыря. В состав артели входили следующие изографы: Гурий Никитин, Сила Савин, Леонтий Емельянов, Григорий Григорьев, Симеон Павлов [32, с. 12]. Это была первая самостоятельная работа Гурия Никитина и первая работа, которая упоминается в источниках. Все принимавшие участие в росписи иконописцы – костромичи. Григорий Григорьев вместе с отцом и братом, Сила Савин, Леонтий Емельянов, Семён Павлов в 1660 г. были вызваны в Москву для росписи Архангельского собора [9, с. 27]. К 1662 г. они уже опытные иконописцы. В то же время уже заранее было известно, что пять человек за сезон не успеют расписать собор.

После окончания работ в Троицком соборе Данилова монастыря костромские иконописцы принимали участие в росписях в столице. В 1664 г. Григорий Григорьев в палатах «боярина» Никиты Ивановича Романова иконы писал наскоро «в день и ночь» [Там же, с. 55]. Никита Иванович Романов скончался в 1654 г., он родственник царя Алексея Михайловича.

А 9 июля 1666 г. костромичи принимали участие в росписи Архангельского собора Московского кремля. В росписи участвовали 92 иконника, из них городовые иконописцы-костромичи: первой статьи – Гурий Никитин; средней статьи – Левонтий Емельянов, Григорий Григорьев, Семён Андреев, Иван Осипов, Пётр Аверкиев; меньшей статьи – Григорий

Мартьянов, Фрол Левонтьев, Марко Назарьев [Там же, с. 67]. Из них Гришку Мартьянова отпустили в Кострому. Причина не указана [Там же, с. 69]. В 1667 г. он «был у стенного письма в Грантовитой палате, был «у дела» в Георгиевском пределе Благовещенского собора» [35, с. 170]. Таким образом, в росписи Архангельского собора принимали участие восемь костромских иконописцев. Согласно источникам, они начали участвовать в росписях в конце 1650-х – начале 1660-х гг. По мнению В. Г. Брюсовой, Гурий Никитин в соборе писал «несколько фигур воинов-мучеников на столбах – Феодора Стратилата и других» [1, с. 47], а также «отдельные части композиции «Страшного суда» [Там же]. Автор не выделяет стиль других костромских изографов.

В это же время другие костромские иконописцы принимали участие в росписи других храмов и монастырей. 31 июля 1666 г. были присланы костромские изографы для росписи Новодевичьего монастыря. Расписывали «на-ново своды и перететивье и щибцы, а главы истены починивали» [3, с. 33]. Из них костромичи: Марко Назарьев, Фролко Левонтьев [9, с. 66]. Марк Назарьев и Фрол Левонтьев после росписи Архангельского собора расписывали храм в Новодевичьем монастыре.

С 28 сентября по 4 октября 1666 г. в Измайлово костромские иконописцы: первой статьи Сергей Васильев, средней статьи Пётр Аверкиев, меньшей статьи Дмитрий Емельянов, Фрол Ле-

вонтьев писали две иконы «Праздник Рождества Пресвятой Богородицы и Никиты Христова мученика» [17, с. 20]. Здесь уже вновь повторяется Фрол Левонтьев. В источнике не указаны сведения о храме, для которого писались иконы. В этом же году Кириллов Иван расписывал стены одного из храмов Саввино-Сторожевского монастыря [9, с. 91]. В источниках название храма не указано. Таким образом, опытных и хорошо пишущих иконописцев и изографов не хватало. Поэтому иконописцы за один сезон принимали участие в росписи нескольких храмов.

В 1668 г. артель Гурия Никитина продолжила расписывать Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. По мнению исследователей, по документам «трудно установить, где же всё-таки были костромские иконописцы и сам Гурий Никитин в июле-сентябре 1668 г.» [32, с. 18]. По мнению Успенского, расписывали собор Пушкарев Леонтий Емельянов [35, с. 223], Попов Григорий Григорьев [Там же]. Возможно, автор опирался на не дошедшие до наших дней источники. В грамоте Алексея Михайловича указано, что в этом году Троицкий собор Данилова монастыря расписывали следующие изографы: Гурий Никитин, Сила Савин, Григорий Попов, Петр Дунаев, Леонтий Пушкарёв, Семён Павлов [10, с. 101]. В это время иконописцев требовали в храм Григория Неокесарийского, который расписывали и костромичи [Там же]. Таким образом, артель Гурия Никити-

на расписывала Троицкий собор Данилова монастыря, но состав артели точно не известен. Роль костромичей в работе в храме Григория Неокесарийского не ясна: или расписывали собор, стенопись которого не сохранилась, или иконы, которые еще слабо изучены.

В августе 1667 г. [24, с. 14] и июле 1672 г. был расписан Богоявленский собор Богоявленского мужского монастыря в Костроме [29, с. 335]. По мнению В. Г. Брюсовой, собор расписывала артель Гурия Никитина [1, с. 73]. В то же время документальные свидетельства отсутствуют. В 1982 г. в ходе пожара фрески были утрачены. Фрагменты фресок были опубликованы [18; 1; 19]. Фотографии некоторых росписей находятся в ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева», ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». В настоящее время они не изучены.

В 1669 г. художники-ярославцы Севастьян Дмитриев и Иосиф Владимиров, Василий Ананьин, Константин Ананьин, Иван Карпов, Федор Карпов, Дмитрий Григорьев, костромичи Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Кузьмин расписали Успенский собор в Ростове Великом. В 1671 г. в ходе пожара фрески были повреждены, и они вновь их восстанавливали. При поновлении росписей в 1779 и 1843 гг. фрески были утрачены [12, с. 51]. Таким образом, в 1660-х гг. костромские иконописцы принимали участие в роспи-

сях восьми храмов, монастырей и палат. До наших дней сохранились росписи в Троицком соборе Данилова монастыря в Переславле-Залесском и Архангельском соборе в Москве. В этот период расписывание храмов смещается из столицы в провинцию.

В 1670 г. по указу царя «для ускорения производства работ» [13, с. 5] в Верхоспасском соборе «велено было прислать» иконописцев из Ярославля и Костромы [33, с. 61]. Имена иконописцев не известны. В этом же году Колпашников Иван Осипов, Емельянов Леонтий, Григорий Григорьев, Васка Осипов, Клишко Осипов, Афонка Галактионов вместе с ярославскими иконописцами расписывали стены в церкви Гребневской Богоматери в Москве [9, с. 119]. В 1635 г. храм был утрачен. К прежним именам иконописцев добавляется Галактионов Афонасий. Раньше он не упоминался.

В 1672 г. Иван Кирилов написал икону Вознесения Господня на ворота в с. Коломенском [31, с. 330]. На следующий год он под руководством Симона Ушакова «у соборные церкви Пресвятыя Богородицы Успения над южными дверми Спасов образ Нерукотворного, также и по сторонам того Спасова образа ангелов и вверху над Спасовым же образом святителей и над святителями образ Пресвятыя Богородицы писал вновь» [Там же].

В 1675 г. расписана церковь Воскресения в Ростове Великом [26, с. 26]. Имена изографов остаются неизвестными.

В 1676 г. иконописцы Лазаревский Степан [31, с. 375], Матвеев Степан [Там же, с. 412], Андреев Андрей [Там же, с. 48], Лопаков Иван Логинов [Там же, с. 385], Рязанов Андрей [Там же, с. 564], Ермилов Фома [Там же, с. 217] расписывали и писали иконы в церкви Спаса Нерукотворного во дворце. Лазаревский Степан, Рязанов Андрей, Ермилов Фома упоминаются впервые. Матвеев Степан впервые упоминается в 1670 г. Из шести иконописцев половина упоминаются впервые.

В следующем году был расписан Крестовоздвижеский собор г. Тутаева [1, с. 106]. По мнению В. Г. Брюсовой, собор расписывали Гурий Никитин и Василий Ильин [Там же]. В то же время в имеющихся документах имена не указаны. Паперть была расписана в конце 1650-х гг. По мнению исследователей, «артелью костромских мастеров... и представляют большой интерес как сравнительно раннее произведение северо-русской художественной школы» [8, с. 204].

В царской грамоте 1676 г. упоминаются следующие девятнадцать костромских иконописцев (табл. 1): Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Петр Аверкиев, Григорий Григорьев, Оксен Ионин, Артемий Тимофеев, Иван Осипов, Марко Назарьев, Василий Кузьмин, Фрол Леонтьев, Филипп Андреянов, Василий Миронов, Фома Ермилов, Клиш Осипов, Андрей Андреев, Никифор Григорьев, Степан Лазаревский, Василий Григорьев [2, с. 316].

Таблица 1

Иконописцы-костромичи по грамоте Алексея Михайловича 1676 г. [31]

№ п/п	Иконописец	Время работы
1	Гурей Никитин	1653 – 1691
2	Сила Савин	1657 – 1689
3	Василий Осипов	1646 – 1702
4	Петр Аверкиев	1665 – 1697
5	Григорий Григорьев	1660 – 1709
6	Оксен Ионин	–
7	Артемий Тимофеев	1671 – 1718
8	Иван Осипов	1664 – 1706
9	Марко Назарьев	1647 – 1722
10	Василий Кузьмин	1670 – 1689
11	Фрол Леонтьев	1660 – 1679
12	Филипп Андреянов	1667 – 1716
13	Василий Миронов	1671 – 1684
14	Фома Ермилов	1676 – 1685
15	Клим Осипов	1667 – 1709
16	Андрей Андреев	1667 – 1676
17	Никифор Григорьев	1664 – 1679
18	Степан Лазоревский	1676
19	Василий Григорьев	1676 – 1680

графов. Можно выделить три возрастные группы (табл. 2).

Из 19 иконописцев даты активной деятельности известны у 18 изо-

Таблица 2

Возрастные группы иконописцев-костромичей
по грамоте Алексея Михайловича 1676 г. [31]

№ п/п	Возрастная группа	Количество
1	1646 – 1657	4 (22 %)
2	1660 – 1667	8 (45 %)
3	1670 – 1676	6 (33 %)
<i>Итого</i>		18

Таким образом, меньшая часть иконописцев (22 %) принадлежит к первой группе, что связано с эпидемией чумы 1654 г. Две следующие группы примерно равны – 45 и 33 %, что связано с отсутствием крупных всплесков смертности в 1660-х и 1670-х гг. Это привело к постепенной смене поколений среди изографов.

Во второй половине 1670-х гг. костромские иконописцы продолжали расписывать храмы. В 1679 г. Иван Лопачов вместе с другими иконописцами «пишет по полотну в церковь полотняную же царские да южную да северную двери, местные образы, деисус, что в полки боярина и воеводы князя Михаила Алегуковича Черкаского» [11, с. 179].

Иван Лопаков впервые упоминается в источниках в 1660 г [9, с. 27].

В 1680-х гг. костромские иконописцы расписали три крупных храма.

В 1680 – 1681 гг. был расписан храм Ильи Пророка в Ярославле. Храм расписывали «изографы града Костромы (табл. 3) Гурей Никитин, Сила Са-

вин да ярославец Дмитрий Семёнов, Василий Казамин, Артемий Тимофеев, Петр Аверкиев, Марко Назарьев, Василей Миронов, Фома Ермилов, Тимофей Федотов, Иван Петров, Иван Андреянов, Иван Иванов, Филипп Андреянов, Стефан Павлов» [5, с. 49].

Таблица 3

Иконописцы, расписывавшие храм Ильи Пророка в Ярославле [31]

№ п/п	Иконописец	Происхождение	Даты работы
1	Гурий Никитин	Кострома	1653 – 1691
2	Сила Савин	Кострома	1657 – 1689
3	Дмитрий Семенов	Ярославль	1679 – 1693
4	Василий Казамин	–	–
5	Артемий Тимофеев	Кострома	1671 – 1718
6	Петр Аверкиев	Кострома	1665 – 1697
7	Марко Назарьев	Кострома	1647 – 1722
8	Василей Миронов	Кострома	1671 – 1684
9	Фома Ермилов	Кострома	1676 – 1685
10	Тимофей Федотов	Ярославль	1649 – 1717
11	Иван Петров	Ярославль	1680
12	Иван Андреянов	Ярославль	1680 – 1691
13	Иван Иванов	Ярославль	1680
14	Филипп Андреянов	Кострома	1667 – 1716
15	Стефан Павлов	–	1680

Таким образом, из 15 иконописцев неизвестно происхождение двоих. Из 13 иконописцев пять (38 %) ярославцы. Следовательно, большая часть иконописцев (62 %) составляли костромичи. В графе «дата» указано время первого и последнего упоминания в

источнике, т. е. годы деятельности, но не жизни. Это время активного участия иконописца в написании икон и участия в росписи храмов. Таким образом, большая часть изографов принадлежала уже к «молодому» поколению (табл. 4).

Таблица 4

Возрастные группы иконописцев, расписывавших храм Ильи Пророка в Ярославле

№ п/п	Группа	Количество
1	1647 – 1657	4 (28 %)
2	1665 – 1667	2 (15 %)
3	1671 – 1680	8 (57 %)
<i>Итого</i>		14

В 1684 г. расписан Троицкий собор Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря. Клеймо с именами изографов расположено на северной стене слева. В нём представлены следующие изографы: Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Василий Козмин, Артемий Тимофеев, Петр Аверкиев, Григорий Григорьев, Марко Назарьев, Василей Миронов, Фома Ермилов, Филипп Андреянов, Ефрем Карпов, Макарей Иванов,

Василий Васильев, Лука Марков, Гавриил Семёнов, Василей Никитин, Федор Ли(пин), (Фе)дор (Фокин) [22, с. 186].

Таким образом, собор расписывали 19 человек, из них 14 (73 %) иконописцев-костромичи, один иконописец из Ярославля, один – изограф из Москвы, два изографа – происхождение неизвестно. Следовательно, большинство участников артели были костромичами (табл. 5).

Таблица 5

Изографы, расписавшие Троицкий собор Ипатьевского монастыря в 1684 г.

№ п/п	Иконописец	Происхождение	Даты работы
1	Гурий Никитин	Кострома	1653 – 1691
2	Сила Савин	Кострома	1657 – 1689
3	Василий Осипов	Кострома	1646 – 1702
4	Василий Козмин	Кострома	1670 – 1689
5	Артемий Тимофеев	Кострома	1671 – 1718
6	Петр Аверкиев	Кострома	1665 – 1697
7	Григорий Григорьев	Кострома	1660 – 1709
8	Марко Назарьев	Кострома	1647 – 1722
9	Василей Миронов	Кострома	1671 – 1684
10	Фома Ермилов	Кострома	1676 – 1685
11	Филипп Андреянов	Кострома	1667 – 1716
12	Ефрем Карпов	Москва	1658 – 1684
13	Макарей Иванов	Кострома	1684
14	Василий Васильев	Кострома	1670 – 1702
15	Лука Марков	Кострома	1669 – 1685
16	Гавриил Семёнов	–	1684 – 1707
17	Василей Никитин	Ярославль	1659 – 1707
18	Федор Ли (пин)		
19	(Фе) дор (Фокин)		

Таким образом, в отличие от ной артели уже выделяется четыре прежних двух групп иконописцев дан- возрастные группы (табл. 6).

Таблица 6

Возрастные группы изографов, расписавших,
Троицкий собор Ипатьевского монастыря в 1684 г.

№ п/п	Группа	Количество
1	1647 – 1659	6 (35 %)
2	1660 – 1669	4 (24 %)
3	1670 – 1676	5 (29 %)
4	1684	2 (12 %)
<i>Итого</i>		17

При этом преобладающей является первая группа – 35 %. В то же время две другие примерно равны – 24 и 29 % соответственно. Самая малочисленная группа четвертая – 2 %. Следовательно, Гурий Никитин собрал в артель самых лучших изографов. Тем не менее здесь присутствует малочисленная группа молодых изографов. По мнению исследователей, часть «художников участвуют в росписях эпизодически», так как «круг мастеров, специализировавшихся на монументальной живописи... достаточно ограничен» [25, с. 117]. Это связано и с тем, что условия и возможности того времени не позволяли быстро и оперативно собрать артель.

В 1689 г. расписан Спасо-Преображенский собор в Спасо-Евфимиевом монастыре в г. Суздале. Расписывала артель Гурия Никитина [2, с. 267]. Полный состав артели неизвестен. В 1690 г. был расписан Введенский собор Толгского монастыря. /В росписи принимали участие следующие иконописцы: Дмитрий Семёнов Сибиряк, Василий Иосифов, Федор Федоров, Михаил Андроников, Иоанн Дмитриев, Иоанн Андрианов, Стефан Андрианов, Иоанн Сергеев, Иаков Васильев, Тихон Прохоров, Никифор Дмитриев, Карп Георгиев, Феодор Лазарев, Дмитрий Иоаннов, Петр Аверкиев, Леонтий Федоров, Василий Федоров, Симеон Сергеев, Федор Анисимов, Игнатий Григорьев, Сергей Дмитриев, Алексей Петров, Сергей Доментианов, Кондрат Иоаннов, Иоанн Илларионов, Михаил Евдоки-

мов [15, с. 20]. Из 26 иконописцев трое были костромичами: Василий Иосифов Колпашников, Дунаев Петр Аверкиев, Миронов Яков Васильев, или 11 %.

В этом же году артель Гурия Никитина принимала участие в росписи Спасо-Преображенского собора московского Новоспасского монастыря. В ходе реставрации зимой 2023 года в одной из «комнат» собора была обнаружена роспись XVII века. В ходе реставрации была открыта надпись, согласно которой «комнату» расписывали «Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов и прочие трудящиеся костромичи» [30, с. 111]. Таким образом, в 1690 году костромичи расписывали два храма. При этом в Толгском монастыре их было 11 %, в Новоспасском значительная часть. В 1691 г. Гурий Никитин умер [1, с. 252]. После его смерти Колпашников Василий Осипов и Василий Козмин возглавили артель костромских иконописцев [3, с. 89]. Однако доказательства этого отсутствуют. Колпашников Василий Осипов в 1694 году принимал участие в поновлении Феодоровской иконы Божьей Матери [23, с. 12]. После 1689 г. сведения о работе Василия Козмина отсутствуют.

В 1697 [3, с. 131] или 1698 [4, с. 89] г. костромские иконописцы Иван и Пётр Аверкиевы принимали участие в росписи Покровского придела храма Ильи Пророка в Ярославле. Роспись посвящена Акафисту Богоматери [Там же]. В обоих изданиях автор даёт разные даты.

В конце XVII в. была расписана церковь Преображения за Волгой в Костроме. По мнению исследователей, роспись исполнила артель под руководством ученика Гурия Никитина Василия Козмина. Это последний памятник, «напрямую продолжающий традиции искусства костромских изографов» [27, с. 122]. В 1934 г. храм был закрыт и приспособлен под общежитие. В 1968 – 1978 гг. храм был отреставрирован и передан в 1989 г. старообрядческой общине [21, с. 122]. В 1996 г. стенопись сводов и верхнего ряда отреставрирована Г. Б. Губочкиным [27, с. 123]. Поэтому часть росписей сохранилась. Другой источник по стенописи – это фотографии и фотонегативы, хранящиеся в музеях. В ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева» хранятся фотонегативы интерьера храма. Возможно, часть фресок была снята. Поэтому стенопись собора слабо изучена и требует дальнейшего исследования. В конце XVII в. костромские иконописцы продолжали расписывать храмы и писать иконы. Точно датированные и атрибутированные росписи отсутствуют.

Источники по деятельности костромских иконописцев второй половины XVII в. фрагментарны и ограничены. В начале нового века в связи с компьютеризацией и развитием Интернета появляются различные базы данных, в том числе и в музее. С 2015 г. активно развивается и пополняется Государственный каталог Музейного

фонда Российской Федерации (ГК МФ РФ). Возможности ГК МФ позволяют вводиться в научный оборот новые источники, хранящиеся в музеях страны.

Приведённая в статье периодизация условна и основания не имеет.

Чума 1654 – 1655 гг. не прерывает развития костромской иконописи. Преемственность поколений изографов прослеживается на протяжении всей второй половины XVII века. В артелях присутствуют группы изографов различных возрастов.

На протяжении всей второй половины XVII в. было несколько сильных костромских иконописцев: Сила Савин, Василий Осипов, Марко Назарьев. По имеющимся источникам, сложно сказать, кто из них был лучше или хуже. Всех их приглашали писать иконы и фрески.

Состав артелей постоянно менялся. Поэтому постоянно действующей артели не было. В ней присутствовали костромичи, ярославцы и другие, но преобладали костромские изографы. Имеющиеся источники, не позволяют назвать Гурия Никитина главой костромских изографов. В то же время знаменщик руководил всем процессом, и члены артели должны были писать в одном стиле.

Во второй половине XVII века с каждым десятилетием происходит смещение иконописцев в провинциальные храмы. Это связано с тем, что в первую очередь расписывались столичные храмы, а потом уже провинциальные.

Библиографические ссылки

1. Брюсова В. Г. Гурий Никитин. М. : Изобразительное искусство, 1982.
2. Брюсова В. Г. К биографии Гурия Никитина // Археографический ежегодник, 1977.
3. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М. : Искусство, 1984.
4. Брюсова В. Г. Фрески Ярославля XVII – начала XVIII века. М. : Искусство, 1983.
5. Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М. : Сев. паломник, 2002. 104 с.
6. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584 – 1725 гг. М., 1883. Вып. 2.
7. Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля (Материалы к исследованию) // Древнерусское искусство. XVII век. М. : Наука, 1964.
8. Добровольская Э., Гнедовский Б. Ярославль. Тутаев. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1971. 239 с.
9. Забелин И. Материалы для истории русской иконописи. Б. м., 1850.
10. Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // Временник для московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7.
11. Забелин И. Е. Перечень иконописных и живописных работ дворцовых и городских мастеров XVII столетия / Русский художественный архив. СПб., 1894. Выпуск 3.
12. Иванов В. Ростов. Углич. М. : Искусство, 1975. 263 с.
13. Извеков Н. Д. Верхоспасский собор в Большом Кремлевском дворце в Москве. М. : Рус. Печатня, 1912. С. 5.
14. Извеков Н. Д. Московские кремлевские церкви и служившие при них лица в XVII веке. М. : Рус. Печатня, 1906.
15. Казакевич Т. Е. Стенопись Введенского Толгского собора и его мастера // Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944 – 1995). Ярославль, 2000. Вып. 4.
16. Каткова С. С. Иконописание – семейное ремесло // Губернский дом. 2002. № 1 – 2.
17. Кологривов С. Н. Заметки о написании некоторых икон Государевыми иконописцами в 1656 и 1658 гг. // Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1901. Вып. 1.
18. Кострома : альбом / Текст А. Л. Мартыновой. М. : Планета, 1970.
19. Кострома. Памятники архитектуры : фотоальбом. М. : Сов. Россия, 1974.

20. Костромская икона XIII – XIX вв. Свод русской иконописи / под ред. Н. И. Комашко, С. С. Каткова. М. : Гранд-Холдинг, 2004.
21. Костромские святыни. Кострома : Костромская епархия Русской Православной Церкви, 2004. С. 122.
22. Куколевская О. С. Стенопись Троицкого собора Ипатьевского монастыря. В 2 т. Т. 2. М. : Северный паломник, 2008.
23. Лествицын В. И. Записки изографа Василия Никитина 1745 года. Ярославль, 1882.
24. Летопись Костромского Богоявленского монастыря написанная после разгрома 7117 года мая 6 числа : По рукописи XVIII века / с предисл. Ан. Титова. М., 1909.
25. Никитина Т. Л. Стенные росписи в русской культуре второй половины XVII века // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века. Ростов н/Д. : Ростовский кремль, 2006.
26. Никитина Т. Л. Церковь Воскресения в Ростове Великом. М. : Северный паломник, 2002.
27. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Кострома, 1998. Вып. 1. Ч. 3.
28. Памятники архитектуры Москвы. М. : Искусство, 1982.
29. Русский временник, сиреч. Летописей, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделённый на две части. Ч. 2. От 6949/1441 лета до 7189/1681 лета. М., 1790.
30. Сергиеня И. Камора Вифлеемской пещеры. Монументальный русский натюрморт и другие открытия реставраторов в Новоспасском монастыре // Охраняется государством. 2024. № 3.
31. Словарь русских иконописцев XI – XVII веков / ред.-сост. И. А. Кочетков. М. : Индрик, 2009. 1102 с.
32. Сукина Л. Б. Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. М. : Северный паломник, 2022.
33. Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. М., 1906. Т. 2.
34. Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века // Записки Московского археологического института. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1913. Т. 32.
35. Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1910.

THE PARTICIPATION OF KOSTROMA ICON PAINTERS IN TEMPLES AND MONASTERIES PAINTING IN 1656 – 1691

The article examines the activities of Kostroma icon painters in the second half of the XVIIth century, which is a logical continuation of the author's previously published research. The source base of the research consists of documents collections published before the 1917 Revolution; documents published by V. G. Bryusova in her writings; works of pre-revolutionary authors. In the course of work, general historical research methods were used. A systematic approach that allows us to consider the interaction of iconographers and power in multiple connections and relationships; historical-genetic, used to characterize changes in the activities of iconographers; comparative-historical, used to compare the characteristics of the activities of isographers in cities, temples and monasteries; comparative – to characterize the biographies of iconographers were applied. In addition, when writing the dissertation, methods borrowed from other sciences were used: mathematical and statistical – to analyze the dynamics of changes in the number of icon painters and their age groups. In Soviet historiography much attention was paid to the activities of Guriy Nikitin. At the beginning of the 2000s, works dedicated to the activities of other icon painters appeared. At the same time, there is no comprehensive study of the activities of Kostroma icon painters in the second half of the XVIIth century. Therefore, this article sets the task of a comprehensive study of Kostroma icon painter's participation in temples and monasteries painting from 1655 to the end of the XVIIth century.

Keywords: icon painter, fresco, isographer, painting, artel, school, temple, monasteries.

**СОЗЕРЦАНИЕ ЛЕСА В КНИГЕ ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА
«ТРЕТЬЯ ОХОТА»**

Книга Владимира Солоухина «Третья охота» – самый известный на русском языке очерк, популяризирующий сбор грибов. В статье реконструируется контекст возникновения этой книги: внимание к способам именования грибов и появление ризоматических концепций культуры. Анализ образов и мотивов этой книги показывает, что Солоухин мыслил сбор грибов не просто как увлечение, но как спортивное воспитание телесных навыков и одновременно медитативную практику, объединяющую прошлое и настоящее. В этой книге увлечение сбором грибов оказывается поводом для соединения решительности характера и внимания к обычаям предков как содержащих в себе потенциально научный этос, почти лабораторное испытание природы.

Ключевые слова: экологическая литература, очерк, грибы, популяризация, телесность, грибник, Солоухин.

Книга Владимира Солоухина «Третья охота» [7] вышла в 1968 году. Она ознаменовала существенный поворот к народной культуре того времени, прежде всего к народным названиям всего: грибов, ягод, поселков. Сам Солоухин на протяжении всей своей жизни был сторонником возвращения исторических названий городов и улиц и оттого был внимателен к народным диалектным названиям для разных вещей.

Всего лишь за год до его книги вышел труд В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений: травы, грибы, ягоды» [6], которая, представляя собой по существу материалы к этимологическому и диалектному словарю, явила новое отношение к природным явлениям. На место инструктивного подхода, требующего отнести к каждому грибу как предмету своеобразной инженер-

но-вкусовой экспертизы, как это было во множестве справочников и определителей грибов, встал другой подход, в котором съедобные грибы как бы высвечены как реальность.

Одна из основных идей книги – грибы противопоставляются не по кулинарным качествам, а по критерию хорошие/плохие и съедобные/несъедобные. Первое противопоставление удержано диалектами, где «губы», «грузди» и прочие образования, не похожие на стандарт сочного гриба с плотной ножкой и яркой шляпкой, не приобретают слово «грибы» [Там же, с. 150]. Иными словами, вид, статуарность гриба, своеобразная кукольность его важна и для народного сознания.

Но существеннее другой тезис Меркуловой: язык действует не как номенклатура, подлежащая последующему техническому упорядочива-

нию, но как некоторый светоч, способ высветить необходимое, каковое сразу становится привлекательным. Она пишет так: «Несъедобные грибы обычно не различаются, они все носят общее название поганок, поганных, собачьих грибов, исключение составляет только мухомор. Необходимость, как прожектор, выхватывает кусок действительности и освещает его отчетливо и ярко, а остальное свалено в кучу ненужного неразобранного материала» [6, с. 150]. Мы сразу узнаем что-то вроде «просвета» (Lichtung) Мартина Хайдеггера: начальную ситуацию «просеки», «легкого движения», которая предшествует любому самоопределению субъекта в отношении объекта, вообще любой ситуации субъекта. Согласно Хайдеггеру, именно просвет делает человеческое действие свободным, и Солоухин тоже описывает «третью охоту» (третью после звериной охоты и рыбалки) как свободную. Вопрос, знал ли Солоухин о Хайдеггере, остаётся открытым: Андрей Вознесенский встречался с Хайдеггером 14 февраля 1967 года во Фрайбург-им-Бресгау и мог рассказать Солоухину об этой встрече, но подтверждений или опровержений мы пока не нашли.

Н. А. Костюк называет принцип работы Солоухина с материалом природных наблюдений «фантастической лабораторией» [5, с. 58]. Тем самым она подчеркивает, что Солоухин не столько разбирает ситуации сбора грибов, сколько интересуется самими грибами, тем, в каких условиях они представляют себя, предъявляют себя, когда охота получается по-настоящему увлеченной и страстной. В таком случае понятно, что книга Солоухина про-

тивоположна как инструкциям для грибников, так и кулинарным книгам. Советская кулинария, памятником которой стала монументальная «Книга о вкусной и здоровой пище», должна была полностью стереть память о частном хозяйстве, превратив даже домашнюю кухню из места творчества в место обработки продуктов до приемлемого состояния, по сути в филиал общепита. Вкуса и тем более азарта здесь не подразумевалось. Таким образом, охота Солоухина – созерцание леса как фантастического места, а собственно укладывание грибов в корзинку – необходимый эксперимент, дающий ощутимые результаты.

Н. С. Бельская справедливо пишет [1, с. 73] о ризоматичности повествования Солоухина, позволяющей согласовывать разные по стилю и установкам, но равно нарративные стратегии. Само слово «ризома», вошедшее в социально-гуманитарное знание благодаря критике культуры Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари, означает грибницу. Делёз и Гваттари утверждали, что в современной культуре нет единой инстанции смысла, но осуществляются конкурирующие повествования, каждое из которых номадично, ведет кочевой образ жизни и до конца не совпадает со своей территорией. Книга Солоухина как раз говорит об искусственном номадизме, об организации сбора грибов как о чем-то очень достойном для современной культуры и при этом связывающем и с предками-собираателями, и с кочевыми предками.

Ризоматичность подразумевает приоритет соответствий над смысловым выстраиванием уровней: грибы

оказываются для Солоухина столь же законными жителями леса, как и животные или деревья. Этому соответствует и дизайн первого издания [7]: на коричневой обложке изображены белый силуэт неопознаваемого гриба, прикрытый снизу черным силуэтом неопознаваемой рыбы. Тем самым лес представлен как область неопределенности, где только правильно организованный рассказ может научить нас находить лучшие, съедобные и питательные грибы. Поиск грибов – это внимание к рассказу со всем его мерцанием, нюансами, внезапными взрывами интересных историй. Иллюстрации к первому изданию показывают, что действительно рамкой рассмотрения леса был сезон. Каждая иллюстрация реализует принцип народного календаря: где сморчок, там и ландыш; где белый гриб, там и стрекоза. Всё остальное оставлено вниманию читателя и его желанию увлечься грибным делом.

В современной философии грибов немало сделано для понимания отношения разных миров леса как разных ризом и рассмотрения в том числе большого города как одной из ризом большого леса планеты – на последнем более всего настаивал В. В. Биbihин [2]. Анна Лёвенхаупт Цзин [8] в ходе междисциплинарного исследования заявляет, что использование грибов в разных целях, от гарантированных сделок до продажи как деликатеса, выходит за рамки обычных капиталистических транзакций и может открыть новую эпоху после эпохи антропоцена, то есть эпохи покорения человеком природы. Лонг Литт Вун иначе говорит о грибах [3] как о некотором се-

мейственном мире, который компенсирует одиночество современного человека. Поэтому Цзин сводит грибы к универсальной валюте «на руинах капитализма», считая их основанием новых маршрутов сделок и социального внимания, тогда как Вун говорит об обработке грибов как о постоянном, всё новом узнавании себя как принадлежащим к человеческому роду – но взятом уже не в режиме антропоцена (господства человека на земле), а в режиме ризоматичности всех структур, и «деревя», и «грибов», и «людей». При всей продуктивности обоих названных книг для современной антропологии в них не ставится вопрос о воле как заставляющей забыть о времени, тогда как технократ, друг Андрея Вознесенского и одновременно архаизатор и любитель всего дореволюционного Солоухин этот вопрос поставил с высочайшей степенью ясности.

Солоухин прямо указывает на С. Т. Аксакова как своего предшественника; но удивление Аксакова перед тем, что сбор грибов превращается в охоту, сбор становится любопытным, неожиданным – у Солоухина встраивается в общую ризоматическую концепцию. Фокус, волшебство вполне объясняются наличием единого ризоматического принципа у гриба и плодового дерева: «А тут еще непостижимые уму фокусы грибов: любят родиться под этим деревом, а не под тем. Представьте себе какое-нибудь существо, которому дано видеть только яблоки, в то время как сама яблоня для него незрима. Конечно, он будет удивляться, почему в одном месте полно яблок, а рядом – нет ни одного. Теперь-то мы знаем, что грибы, которые

растут в лесу и которые мы с удовольствием собираем, это именно, как яблоки, готовые созревшие плоды, тогда как само дерево скрыто от наших глаз под землей» [7, с. 10]. Тем самым оказывается, что сам лес обладает определенными технологиями, хитростями, которые тренируют наше внимание, и даже само удивление оборачивается предварительной тренировкой нашего внимания.

Сходную идею гораздо позднее высказал философ В. В. Бибихин в книге «Лес», в которой он, соединяя различные версии эволюционной биологии с построениями М. Хайдеггера, выдвинул идею о лесу как месте «успеха» природы. Природа в лесу как бы угадывает свои новые формы, пространства и реализации и создает тем самым и для современного человеческого сознания, дробного и уставшего от нагрузок технократической цивилизации, возможности успешно состояться как осознание предназначения. Для природы телеологию мы допускаем только условно; тогда как сознание, говорит Бибихин, телеологично безусловно.

Бибихин сопоставляет сбор грибов с признанием телеологической эволюции и частичного креационизма, создания совершенных форм и этому противопоставляет общую ризоматичность природы, в которой именно загадка, провал, отсутствие совершенства и создают настоящую телеологию зрелости человеческого сознания: «Вовсе не обязательно возражать дарвинизму с его пробами случайностей и представлять припасенные Богом готовые содержательные формы, в которые живые существа, скажем, префор-

мируются. Но против нашего собственного опыта, и против наблюдения, и против опыта художника, изобретателя, ищущего, – что находки похожи не на грибы, что действует вкус к угадыванию, который создает тягу, странную, угадать там, где нет что угадать» [2, с. 201]. Таким образом, Бибихин, явно опираясь на идиомы, отождествляющие грибы с чем-то готовым, вроде «растут как грибы после дождя», выявляет в сборе грибов предварительную тренировку на опознание, но она должна смениться настоящей тренировкой, рискованным угадыванием. Бибихин призывает пойти дальше Солоухина и перейти от лабораторной работы к полевому исследованию, но начинает там же, где Солоухин.

Параллели между различными ризомами леса есть и в других местах книги Бибихина: например, он говорит о симбиозе муравьев-термитников и организованных ими грибницах [Там же, с. 271], в чем усматривает пример солидарности природы. Для Бибихина звучало фонетическое сходство гриба, грязи, гряды, но еще сильнее звучали образные иллюстрации, подтверждающие разные, спорящие друг с другом версии теории эволюции. Эти муравьи предъявляют себя одновременно собирателями и плантаторами. Но здесь сразу оказывается, что если питание для термитников необходимо для их выживания, преодоления трудностей, то само создание плантации – это некоторая удача, высвечивающая успех их природных возможностей. Об этих двух режимах мы и скажем далее.

Мотивный анализ книги Солоухина показывает, что писатель, как и

во многих своих книгах, соединяет шестидесятнический прогрессизм и социальную архаику. Поход в лес запускает машину знания: и грибы со всеми их свойствами хорошо изучены наукой, и лес тоже хорошо изучен. В этом смысле лес не менее понятен современному человеку, чем какой-либо объект, который он видит в городе. Но также поход в лес – это возвращение к собирательству, детству человечества, когда собирательство не просто спасало, но закаляло характер. Авантюра похода в лес ради обретения грибов в соответствии с имеющимися знаниями о лесе требует особой работы тела коллекционера (собирателя) грибов; а эта закаленная телесность только и способна быть работающей в лесу как лаборатории.

Такое средоточие на телесных условиях переживания леса приводит к тому, что Солоухин говорит не столько об азарте внимания, о коллекционерском настрое, сколько об определенной воинственности, возвращая грибной спорт к былому этосу воина. «А ведь нужно подняться, когда еще не рассвело. Пока собираешься, пока идешь до леса, успеет рассветать. Дело тут не в том, чтобы опередить других, но есть особенная прелесть на любую охоту выйти рано утром. На рыбалку – понятно: рыба на рассвете лучше клюет. К грибам это условие никак не относится, и тем не менее большая разница, когда войти в грибной лес: на чутком, затаенном рассвете, по безмолвному приятному холодку либо в жаркий полдень, когда и в лесу, и в душе какое-то вовсе не грибное настроение. В полдень хорошо собирать ягоды, лесную малину, орехи, но

никак не грибы. Немало значит и уверенность, что не прочесали еще этот лесок досужие соперники-грибники» [7, с. 17]. В приведенной цитате замечательно противоречие: настоящий грибник не имеет нарочитого желания опередить других, но для него уверенность, что он опередил других, оказывается и оборачивается самым большим наслаждением.

Это противоречие разрешается в следующем абзаце, где по сути противопоставлены два режима времени, которые можно обозначить греческими словами «кайрос» (момент, подходящее время, добрый час) и «хронос» (время как течение, время как некоторая последовательность событий): «Может быть, я говорю лишь про себя, может быть, все остальные любят ходить по грибы в полдень либо даже к вечеру – не знаю. Но думается, что недаром у французов “рано утром” называется “бонер” – то есть “прекрасный час”. Так вот, я люблю прекрасный час. Для меня дороже всего войти в лес, когда в лесу еще сумрачно, и тихо, и нетронуто, и под первой же елью ждет твой первый гриб, как будто он нарочно вышел поближе к опушке, чтобы первым попасться на глаза и обрадовать. Уж если у самого края нетронутые грибы, то, значит, действительно ты первый и можешь ходить спокойно, не торопясь, не опасаясь за свои любимые места, до которых дойдешь не сразу. Правда, может случиться так, что вдруг начнут попадаться обрезки, грибная стружка, а при подходе к самому заветному месту услышишь приглушенные голоса: грибники, как и рыболовы, не любят лишнего шума и громких разговоров. Ну что ж,

оно хоть и твое заветное, но тоже не твое. Определили – не сетуй. Всякая охота предполагает и удачу, и неудачу, грибная охота в том числе» [7, с. 17].

Кайрос – это и есть для Солоухина момент счастья, когда ты в «добрый час» не соревнуешься ни с кем, а просто обретаешь гриб как чистое наслаждение. Тогда как хронос – это уже время суеты, где могут тебе мешать другие грибники, которые мешают и самой природе. Ты радуешься тому, что собрал грибы в нужный «кайрос»: вот ты и добился того «успеха природы», которому посвящена книга Биbihина.

В конце концов, у Солоухина постоянно борется кайрос, как раз когда лучи солнца как прожекторы выхватывают грибы, и хронос, когда ты должен вместе с природой пройти ее испытания. Первый режим – это технократический режим, но именно потому позволяющий правильно, спокойно, вдумчиво, влюбленно именовать лесные объекты. Здесь все объекты получают полновесные, чуткие, чувствительные эпитеты. А второй режим – это описание действия, где вдруг начинают мельтешить временные формы глагола, формы лица, несобственно-прямая речь обращения к себе. Просто прислушаемся к одной цитате из книги Солоухина: «И потом надо же поймать тот час, когда косые лучи солнца начнут пронизывать лес, словно золотые спицы, завязая в мохнатой хвое, с трудом пробираясь до замшелой влажной земли. Синий сумрак, изрезанный такими золотыми прожекторами, начнет клубиться у подножия лесных великанов, цепляясь за сучья и поднимаясь все выше и вы-

ше. Прекрасен утренний лес, когда ты в лесу один.

Правда, я больше люблю ходить в лес в тихие, пасмурные дни, даже если временами начинает сеять мелкий нешумный дождь. Приятно слушать его вкрадчивое успокаивающее шуршание по листьям деревьев. Если дождь усилится, можно спрятаться под старую ель и переждать. Но, конечно, нужно иметь в виду, что если выйдешь из-под ели совершенно сухим и если дождь уже перестал, все равно потом вымокнешь от мокрой травы, от ветвей кустарника, которые придется раздвигать и которые будут обдавать обильным душем, той самой дождевой водой, от которой только что так удачно спасся под старой елью» [Там же, с. 18]

Конечно, как мы видим, в конце концов, несмотря на это соединение двух разных нарративов, кайрологического и хронологического, побеждает скорее второй, просто по жанровым условиям очерка, который постоянно требует оживления. Вероятно, именно с этим связана известная ирония Венедикта Ерофеева, который не одобрил призыв «солёные рыжики собирать» [4, с. 51] и потребовал заняться икотой, то есть той телесностью, которая дана нам здесь и сейчас. Понятно, что солёные рыжики нельзя собирать, их сначала собирают, а после засаливают, но хронологическое описание процессов в книге Солоухина кажется субъекту ерофеевского повествования скучноватым, основанным исключительно на некотором физиологическом переживании окружающей природы, чисто хронологической сменой картин и переживаний. Он требует другого, кай-

рологического знания себя, то есть как раз того, чтобы нынешнее твое состояние было высвечено прожектором внимания читателей.

Итак, подход Солоухина к «грибалке», пользуясь жаргонным словом нынешних грибников, оказывается необходимой частью антропологических поисков 1960-х годов, когда нужно было соединить технократическое покорение пространства и экологическую заботу. Солоухин предложил собственный алгоритм соединения: технократия может быть сведена к кайросу, моменту, и за этот момент мы так восторгаемся лабораторией природы, что не успеваем навредить природе. Тогда как экологическая забота относится к хроносу, ко времени взаимо-

действия людей и необходимости ограничить воздействие людей на природу.

Но кайрос уже дал особую силу, спорт грибника сделался одновременно почти воинственным отношением к происходящему, и поэтому внутри хроноса и возможно ответственное созерцание леса. Покорение пространств благодаря ризоматическим соответствиям в лесу может быть вывернуто в ответственность перед пространствами, от ярких эпитетов можно перейти к очерку о ситуациях. А дальше уже сами законы очерка диктуют отношение к происходящему, но ценность покорения пространств, как в архаическом изводе, так и в технократической версии, у Солоухина всегда остаётся.

В основу статьи положен доклад на Литературных чтениях «Творческое наследие писателя В. А. Солоухина». Владимирская областная научная библиотека. 20 ноября 2024 года.

Библиографические ссылки

1. Бельская Н. С. Поэтика и концептосфера онтологической прозы В. А. Солоухина 1960-х гг. (на материале цикла «Созерцание чуда» – этюды о природе) // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 3 (3). С. 72 – 78.
2. Биbihин В. В. Лес. СПб. : Наука, 2011. 425 с. (Сер. «Слово о сущем»).
3. Вун Л.-Л. Путь через лес. О грибах и скорби / пер. А. Любаевой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
4. Ерофеев В. В. Москва – Петушки / с коммент. Э. Власова. М. : Вагриус, 2011. 582 с.
5. Костюк Н. А. Научное и художественное постижение мира в прозе В. Солоухина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 55 – 60.
6. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: травы, грибы, ягоды / отв. ред. О. Н. Трубочев. М. : Наука, 1967. 260 с.

7. Солоухин В. А. Третья охота. М. : Художественная литература, 1968. 208 с.
8. Цзин А.-Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / пер. Ш. Мартыновой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.

A. V. Markov

**CONTEMPLATION OF THE FOREST IN VLADIMIR SOLOUKHIN'S BOOK
“THE THIRD HUNT”**

Vladimir Soloukhin's book “The Third Hunt” is the most famous essay in the Russian language popularizing mushroom picking. The article reconstructs the background of the appearance of this book: attention to the ways of naming mushrooms and the formation of rhizomatic concepts of culture. The analysis of the images and motifs of this book shows that Soloukhin thought of mushroom picking not simply as a hobby, but as an athletic training of bodily skills and at the same time a meditative practice uniting the past and present. In this book, the hobby of mushroom picking turns out to be an occasion for combining determination of character and attention to ancestral customs as containing a potentially scientific ethos, an almost laboratory test of nature.

Keywords: ecological literature, essay, mushrooms, popularization, corporeality, mushroom picker, Soloukhin.

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЧУДО» В ИУДЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье приводится филологическое и философско-религиоведческое исследование значения термина «чудо» в иудейской религиозной культуре. Проводится различение понятий «чудо» и «знамение» в соответствии с семантикой в текстах иудейской традиции. Указываются позиции классического иудаизма и каббалы в понимании исследуемого понятия. Объясняется сущность праздника Ханука. В качестве современного проявления исследуемого термина рассматриваются легенды о Рыбницком реббе.

Ключевые слова: чудо, знамение, иудаизм, каббала, Тора, Талмуд, Ханука, хасидизм.

Часто случается, что некоторые события в человеческой жизни не поддаются никакому логическому или научному объяснению. Кто-то старается относить такое к простым совпадениям либо все равно пытается найти хоть толику рационального обоснования, другим же людям свойственно понимать оное как определенные мистические, сверхъестественные знаки. Некоторым из таких событий придается как негативный, так и позитивный окрасы. Если же часть подобных случаев в обыденном народном сознании правильно будет обозначить, скорее, как суеверия, приметы, то определенная часть из них несет в себе более глубокий смысл, корнями идущий из религиозных догм, что остается назвать не иначе как чудом. Цель исследования – рассмотреть, как данное понятие трактуется в иудаизме и каббале в частности. Также предлагается рассмотреть данный феномен на примере хасидских легенд. Для этого бу-

дет проведен как филологический, так и философско-религиоведческий анализ слова с опорой на авторитет и раввинистического, и каббалистического понимания «чуда».

Согласно толковому словарю В. И. Даля, чудо – это всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. Богу все чудеса доступны [14]. С. С. Аверинцев в статье из Новой философской энциклопедии дает следующую трактовку понятия: чудо – это, в теизме, снятие волей всемогущего Бога-Творца положенных этой же волей законов природы, выявляющее для человека стоящую за миром вещей власть Творца над творением [10]. Большой толковый словарь русского языка (под общ. ред. С. А. Кузнецова) определяет чудо как: 1) сверхъестественное явление; 2) нечто небывалое, необычное; 3) удивительное своими достоинствами; 4) сказочный персонаж или предмет [1].

Поскольку предмет данного исследования – трактовка «чуда» в иудейской культуре, то в центре внимания оказывается именно теистическая концепция понимания чуда. Иудаизм представляет собой древнейшую монотеистическую религию, зародившуюся во II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке. «Суть этой религии, – пишет О. Корытко, – в сохранении верности единому Богу и соблюдении договора, заключенного Богом с праотцами Авраамом, Исааком и Иаковом, а затем и со всем еврейским народом» [8, с. 266].

Переходя к исследованию понятия в иудейской традиции, обратимся к коррелятам русского слова «чудо» в древнегреческом языке, на который были переведены книги Ветхого Завета с древнего иврита в III – I вв. до н. э. (так называемая Септуагинта; *Interpretatio septuaginta virorum*; перевод семидесяти мужей; LXX). И. С. Вевюрко отмечает: «Первая Библия на греческом языке в течение многих столетий являлась архетипическим переводом священного текста, изначально чуждого той культуре, в которой он таким образом был воспринят» [2, с. 11], «непосредственным продолжением alexandрийского перевода стал в свое время церковнославянский библейский текст, без которого немислим и русский язык» [Там же, с. 13]. Русской лексеме соответствуют два греческих слова: «θαῦμα», что переводится как диво, нечто неслыханное, невероятное, удивительное, и «σημα», что буквально означает «знак», «отметка» [3, с. 771; 4, с. 872; 10]. Последнее в библейской лексике трактуется как «знамение» и, соответственно, входит в состав идеи божественного откровения.

В Электронной еврейской энциклопедии исследуемый термин также понимается как событие, в которое совершено вмешательство высших духовных сил – Божества или людей, наделенных сверхъестественными способностями [15]. В значении «чудо» употребляются следующие слова на древнееврейском языке: *נִלְפָּז* – «пеле», что буквально можно перевести как «диво» или «удивляться»; *נִלְפָּזִי* – «нифлаот» – собственно «чудо» или «чудеса». Однако этим все не ограничивается, поскольку в иврите есть понятие «особого чуда», представленное чаще всего также в двух вариациях: *לִלְפָּז* – «отот» – «знаки»; *מִלְפָּזִי* – «мофетим» – «знамения» [Там же].

Таким образом, можно увидеть четкое разграничение в иудаизме, казалось бы, с точки зрения русского языка идентичных понятий. Однако Тора, несмотря на лингвистическое различие, не делает смыслового отличия чудес. Являясь в особенное время, когда людям более всего нужно божественное вмешательство и Его поддержка, они все равны, ибо демонстрируют вмешательство Бога, которое не может быть хуже или лучше относительно самого себя. Так, к чуду-знамению, можно отнести превращение жезла в змею как доказательство того, что Моисей и Аарон истинно посланы Богом (Исх. 7:9). В этом же ключе в целом понимаются и сами Казни египетские, последующий Исход и ряд необычных явлений, происходивших с евреями во время скитания по пустыне (например, явление манны небесной (Исх. 16:32 – 34)). Таким образом, рождается некий парадокс, когда событие, с одной стороны, нару-

шающее законы природы, является и естественным [15]. С другой стороны, иного миропонимания в религиозном сознании существовать не может. Явление Бога в природе, творцом которой Он и является, более чем легитимно.

Но в иудейской культуре существует, помимо Торы, Талмуд, авторитет которого нисколько не меньше. Согласно последнему, существуют как просто сверхъестественные события, так и оные же, но требующие особого отношения и трактовки. Иудейские теологи, авторы талмудических текстов, выделяют три аспекта чуда: 1) нарушение порядка, установленного при сотворении мира; 2) чудо как свидетельство истинности Галахи; 3) так называемые «ежедневные чудеса», не нарушающие порядка мироздания. Таннай первого века нашей эры, один из авторитетных талмудистов, Иоханан бен Зайкай, указывает, что чудеса предопределены в самом акте творения. Бог, творя, например, море, заранее вложил в него условия однажды расступиться перед народом Израиля. Создавая львов, аналогично, Он вкладывает идею не нанести вреда пророку Даниилу. Талмудическая традиция берет основой в рассуждении о феномене чуда текст Библии, где указывается, что чудо не является самоценным событием, предостерегая от прельщения им и отпадения от истинной веры в идолопоклонство. Чудеса как сакральные манипуляции могут исходить от ложных пророков, магов, сновидцев и т. п., в этом смысле, оно не есть свидетельство религиозной истины (Втор. 13:2 – 4). Так, рабби Иешохау бен Хананья говорит, что Тора не на небесах,

опираясь на заключение пророка Иеремии, что ровно с момента дарования Торы на Синае божественное знание в виде «гласа Божьего» – «бат кол» – более не нужно. Господь уже дал евреям свой Закон и велел принимать решения в согласии с большинством, поэтому когенам не требуется призывать чудеса, чтобы доказать свою правоту, основанную на Галахе, ибо она сама по себе верна и неоспорима. Законоучители, таким образом, всячески указывают, что ежедневные чудеса, в отличие от знамений, не нарушают законов природы [Там же].

Иначе говоря, чудо, согласно Талмуду, есть явление естественное, обыденное, а знамение – это отдельное особенное явление, описанное во многих текстах Торы, примеры коего были уже приведены выше. Это самое особенное чудо никогда не совершится просто так; можно даже сказать, что современные люди более недостойны чудес, однако никогда не следует искушать Бога и просить о свершении знамения. Достойный человек или событие, которому требуется вмешательство Его, произойдет обязательно, но только по воле Всевышнего [Там же].

Здесь важно осознать факт того, что чуду, дабы быть самим собой, проявлением Его, необязательно каким-то образом ярко являть себя. Чудеса или знамения происходят повсеместно при условии соблюдения законов, при искренней бескорыстной вере, и даже реальные свидетели такого проявления могут не замечать его. Как не виден Бог чисто физически, так и могут быть не явны деяния Его, однако это не значит, что их нет. Человек может быть сам настолько вовлечен в реализацию

чуда, что ему покажется, что происходящее не есть какое-то сверхъестественное событие, а лишь результат личной его деятельности [11, с. 30]. Таким образом, если вспомнить уже упомянутый исход евреев из Египта, когда расступились воды моря, можно заключить, что это было естественным ходом вещей. Народ Израиля, ведомый искренней верой, не сотворил, как может показаться (и как, вероятно, посудили египетские преследователи), магию, а все шло так, как и должно быть.

Здесь же можно вспомнить и сущность праздника Ханука, в который принято зажигать свечи в память о победе израильтян над греками (165 г. до н. э.). Чисто с человеческой, если можно так выразиться, точки зрения произошло то самое чудо, ибо была совершена военная победа немногих над многими. Однако же если анализировать историю всего человечества, то можно заключить, что такое встречалось и не раз без всяких, собственно, мистических оснований. Но чудо Хануки состоит не в материальной победе, а в горении одной-единственной свечи на протяжении восьми дней, как нематериальном, духовном смысле несломленности народа, ведомого этим самым божественным знаменем, отраженным в этой самой свече. Чудо тут как раз в том, что именно Бог, находившийся тогда в евреях посредством их веры, победил греков [Там же, с. 30 – 32].

Если человек верит и живет праведно, сам факт его существования, как и окружающего мира, есть чудесное явление. Как указывается в утренней молитве «Амида», или «18 благословений»: «Мы будем благодарить

Тебя... за Твои чудеса, которые ежедневно происходят с нами, и за знамения и благодеяния Твои, которые Ты совершаешь все время, вечером, утром и днем» [13].

Вышеуказанное, возвращаясь к сюжету о расступлении вод Красного моря, также подтверждается. В 76-м Псалме пишется: «Ты – Бог, творящий чудеса; явил в народах силу Твою, избавил мышцею Твоею народ Свой, сынов Иакова и Иосифа. Увидели Тебя воды, Боже, увидели Тебя воды, и убоялись: затрепетали бездны... Ты вел, как овец, народ Свой, рукою Моисея и Аарона». Иначе говоря, Бог, явленный во всем окружающем мире, не являясь в собственном облике, но через деяния свои и особенных людей, показал собственную силу, воспринимаемую еврейским народом как чудо, ибо только лишь благодаря такому стечению они спаслись из Египта. По тексту Псалма получается, будто Бог сам шел впереди Моисея и всего остального народа, ибо прямо перед ним расступается море, ибо только Ему оно и подвластно [2, с. 309 – 311].

В Средние века и Новое время утверждается рациональный скептицизм по отношению к чудесам. Так, например, Саадия-гаон (882 – 942 гг.) указывает, что, несмотря на исключительную и неоспоримую божественность каждого слова Торы, веру необходимо постигать разумом, посему и все описания чудес, скорее, имеют аллегорический смысл. Так, например, очевидно, что ослица не может говорить человеческим языком, это делал ангел – сверхъестественное существо (Числ. 22, 28). Моше бен Маймон (1135 – 1204 гг.) также поддерживает

подобный ход рассуждений, указывая, что нужно быть очень осторожным и руководствоваться верой при наблюдении чудес, ибо те могут быть продуктом колдовства и, соответственно, не отражать божественного знамения, как и доказывать что-либо [5].

В Новое время, когда зародились идеи Гаскалы, еврейский философ М. Мендельсон утверждает, что произошедшее чудо можно подвести под довод правильности совсем любой религии, посему оно и не может быть доводом. Другой мыслитель, однако, указывает, что самая главная черта иудаизма состоит в его основании на познании и религиозной деятельности, а не слепой вере, требующей подтверждений в чудесах [Там же]. Таким образом, как можно определить, после слияния иудейской и эллинской культур, а также последующей бытности евреев в европейской среде, рождаются критические идеи, нацеленные на реформизм веры, который должен проявляться в отходе от неоднозначной и иногда обманчивой мистики к умопостижаемому, интеллектуальному пониманию веры.

Разобрав сущность понимания «чуда» в классическом иудаизме, предлагается рассмотреть данный термин в каббале. Поскольку последняя является важной и уже неотъемлемой частью иудейской культуры, то в соответствии с названием данной статьи обойти стороной оное невозможно. В труде «Основы» раввина и каббалиста Моше Хаим Луцатто (Рамхаль) (1707 – 1746 гг.) содержится глава, посвященная трактовке чудес. Автор начинает с того, что все в мире существует по велению Бога. Соответ-

ственно, природные границы и правила установлены так, как того пожелала Высшая Мудрость. Как Творец создал все это, так и может убрать или ограничить, что и зовется чудом. Поскольку нормальное, обыденное состояние вещей при творении мира Он счел наилучшими, оное и пребывает большую часть времени, но иногда Господь желает изменить это по причинам, которые известны лишь Ему. Задача людей же верно считывать данные события и, самое важное, осознавать, что любое такое «чудо» есть проявление как самого Бога, так и Его провидения, которое нельзя оспаривать. Иногда Он являет чудеса через рабов Своих, близких Ему. Пожелав называться разными именами, Бог показал, что каждое такое имя есть отражение того или иного аспекта бытия. Посему упоминание Его святых имен в мире призывает разные из чудес, за которые отвечает то или иное Имя [12].

Как можно заключить, понимание «чуда» в каббале акцентирует волевой акт Бога: чудо как выпадающее из обыденного порядка мира событие происходит или нет в зависимости от желания Творца. Таким образом, каббалистическая традиция весьма категорична в присвоении каким-либо явлениям статуса чудесности. Современный каббалист М. С. Лайтман указывает, что онтология каббалы исходит из тезиса: есть то, что есть, а если чего-то нет, то оно и понимается как несуществующее. Чудо не существует ровно до того момента, пока оно не случится посредством человеческого духовного усилия. На разных ступенях бытия чудо идентично: оно может быть как помощью в каком-то деле

свыше, так и уподоблением человека Творцу [9].

В общем, если попытаться синтезировать позиции каббалистов разных эпох, можно вычленить то, что данное мистическое течение видит в исследуемом в данной статье понятии явление, непосредственно всегда отождествленное с Богом и его проявлением; реализация же его неразрывна с искренностью личности в стремлении к истине. Последний тезис здесь указывает как раз на определенную схожесть классического иудаизма и каббалы в понимании чудес.

Подводя итог, предлагается рассмотреть интересный феномен хасидских легенд. Заранее следует обратить внимание, на то, что именно о хасидизме речь идет в конце данной работы, поскольку данное течение есть слияние ортодоксального иудаизма и ряда мистических, синкретических оснований, одной из которых является каббала [6]. Речь пойдет об устных сюжетах чудотворчества цаддика Хаима Занвля Абрамовича (1902 – 1995 гг.), известного также как Рыбницкий ребе [7, с. 41]. Также следует отметить, что традиция сложения легенд о сверхъестественных способностях цаддигов – духовных лидеров хасидизма – существует со времен основателя данного течения – Баала Шем Това (1698 – 1760 гг.), и берет своим основанием библейские и талмудические предания об аналогичной деятельности пророков [Там же, с. 53 – 54].

Начать можно с эпизода, произошедшего во время Второй мировой войны, когда в Рыбницком гетто нацистские оккупанты приняли реше-

ние расстрелять находящихся там евреев, среди которых был и Хаим Занвл. Закончилось все тем, что приказ был отменен в самый последний момент и пленные спаслись. Авторы устной передачи данной истории описывают разный ход событий. Один утверждает, что ребе был ясновидящим и загипнотизировал солдат, что те были вынуждены отпустить евреев. Другой рассказчик предлагает более рациональное описание, состоящее в том, что командир расстрельной команды смилостивился над р. Абрамовичем и позволил ему помолиться перед смертью, во время которой тот попросил у Бога помощи в столь тяжелом испытании, и буквально через минуты прибыл гонец с бумагой, отменяющей приказ о казни. Считается, что раввин во время своего обращения к Всевышнему дал обет творить добрые дела, поститься все дни, кроме субботы, а также молиться каждую полночь, чем, как указывают очевидцы, цаддик и занимался до самой смерти. Примечательно также и то, как эти самые рассказчики именуют героя своих легенд: «готсман» – «божий человек» (пер. с идиш), «Саба Кадиша» – «святой старец» (пер. с арамейского) [Там же, с. 54 – 56].

Анализируя данную историю, можно заключить, что Хаим Занвл Абрамович творит не что иное, как чудо. Как уже указывалось, например, в каббалистическом понимании исследуемого термина Господь может являть чудеса через приближенных к себе людей, а герой данных легенд, помимо того что является раввином, так и, собственно, самым настоящим духовным лидером – цаддиком, которого мест-

ные жители зовут святым. Также важно обратить внимание и на искренность просьб ребе Абрамовича к Богу, его истинное желание спасти не только себя, но и всех людей от неминуемой гибели. Конечно, с рациональной точки зрения данная история представляется совершенным совпадением, что подтверждается как раз одной из ее вариаций. Однако, как указывалось ранее, человек может быть настолько вовлечен в сотворение чуда, что и не замечает божественного вмешательства.

Итак, делая вывод, можно заключить, что чудо в иудейской религиозной культуре – это явление, происходящее посредством божествен-

ного вмешательства в материальный мир, реализующееся искренней праведностью иудеев. Данное понятие не однородно, поскольку существует особый вид «чудес», правильное именуемый «знамением», сущность которого в великой значимости происходящего события не только для еврейского народа, но и истории человечества. Чудо как таковое существует постоянно – это сам мир в его движении, однако периодически случаются явления, выходящие за рамки этого течения, которые можно трактовать как «знамение», но только в контексте иудейской веры.

Библиографические ссылки

1. Чудо [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка ; под общ. ред. С. А. Кузнецова. Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=чудо&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=чудо&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 14.03.2024).
2. Вевюрко И. С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. 910 с.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 1043 с.
4. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 1469 с.
5. Чудеса [Электронный ресурс] // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Чудеса> (дата обращения: 14.03.2024).
6. Хасидизм [Электронный ресурс] // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%95%D0%AD%D0%91%D0%95/%D0%A5%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 14.04.2024).
7. Киреева Н. М., Каспина М. М. «Как могущественны чудеса Его!» Связь библейского нарратива с преданиями о чудесах Рыбницкого ребе // *Studia Religiosa Rossica* : науч. журн. о религии. 2020. № 3. С. 40 – 67.
8. Корытко О., прот. Религии мира. История духовных поисков человечества. М. : Никея, 2022. 624 с.
9. Лайтман Михаэль. Что такое чудо? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru/43186?ysclid=m4ppcruo1p491297928> (дата обращения: 14.04.2024).

10. Чудо [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Режим доступа: [https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc /document/HASHbb6bbae980347d862096bb](https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6bbae980347d862096bb) (дата обращения: 14.04.2024).
11. Р. Хаим Бен-Яков. Чудо Хануки и Пурима // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. Вып. 7. М. : Пробел, 2000, 2001. С. 30 – 34.
12. Раби Моше Хаим Луцатто. Основы [Электронный ресурс] / пер. Пинхоса Зидмана. Иерусалим : Изд-во Швут Ами, 1995. Режим доступа: <http://www.istok.ru/library/161-osnovy-9-o-chudesah.html> (дата обращения: 14.04.2024).
13. «Толдот.ру». Молитва Шахарит. Молитва Шмоне Эсре [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://toldot.com/articles/articles_16235.html (дата обращения: 12.05.2024).
14. Чудо [Электронный ресурс] // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Режим доступа: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=43177> (дата обращения: 12.05.2024).
15. Чудо [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <https://eleven.co.il/judaism/theology/14694/> (дата обращения: 12.05.2024).

M. S. Lyutaeva, S. S. Belizhinsky

**ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «MIRACLE»
IN JUDIAN RELIGIOUS CULTURE**

The article presents a philological and philosophical-religious study of the meaning of the term "miracle" in Jewish religious culture. A distinction is made between the concepts of "miracle" and "sign" in accordance with the semantics in the texts of the Jewish tradition. The positions of classical Judaism and Kabbalah in understanding the concept under study are indicated. The essence of the holiday of Hanukkah is explained. Legends about the Rybnitsa Rebbe are considered as a modern manifestation of the term under study.

Keywords: miracle, sign, Judaism, Kabbalah, Torah, Talmud, Hanukkah, Hasidism.

ТРАДИЦИОННАЯ РЕГУЛЯТИВНАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МИФОПОЭЗИС И КОНКУРЕНЦИЯ НАРРАТИВОВ

Динамичный экономический рост Индии за последние три десятилетия помог миллионам людей выбраться из бедности. Страна с одной из ведущих экономик мира по паритету покупательной способности. Развитие Индии имеет важные последствия для мира, так как оно оказывает существенное влияние как на земной шар, так и на регион, в котором находится. Индия, как Китай и Иран, имеет потенциал развития. Несмотря на то что эти цивилизации существуют тысячи лет, их ресурс ещё не был исчерпан. И это во многом благодаря их традициям, консервативному отношению к изменениям. Здоровая, стабильная и динамичная социальная система должна отбирать, что транслировать в будущее, а что оставлять в прошлом. Полезные начала религии, семейного воспитания, духовных практик также необходимы для поддержки устойчивости и зеленого инклюзивного роста.

Ключевые слова: дхарма, самсара, карма, каста, индусское протоправо, ведийская концептосфера, индийское мышление, ведическая эйдетика, ведическая идеация, ведийская идеология.

Индия имеет концептуальное значение в изучении вопросов модернизации, значительно большее, чем Мексика, Бхутан или Фиджи, поскольку в Индии была выработана длительная модель устойчивости, показательная для глобальной цивилизации *homo sapiens*. Почти двести лет колониального британского правления оказали на Индию глубокое влияние. Западный капитализм оставил глубокий след в ее политике, экономике, социальной и культурной сферах. Индийская государственность – это также плод западного колониализма. Сегодня Индии приходится генерировать новые национальные идеи, чтобы объединить одиши, телугу, бенгальцев, кашмирцев, маратхи, тамилы, гуджаратцев, сикхов, манипурцев, адиваси и сотни других этносов, джати, каст. Индия

никогда не существовала как единое государство до британцев в исторической ретроспективе. Государственность Индии – это сложный колониальный продукт, для своего сохранения требующий как современных, так и архаичных технологий.

Западное влияние все еще отражается во многих аспектах сегодня, включая образование и право. В то же время Индия является страной с сильной традиционной ориентацией. Неравномерное развитие культуры и образования, повсеместное проникновение религии в общественную жизнь, исключительность множественности языков и этнических групп, неистребимость кастовой иерархии – все это показывает, что традиционализм обладает живучей силой. Из-за сложности истории и культуры Индии необходи-

мо продолжать разбираться в фундаментальных понятиях и символических сюжетах. В прошлых публикациях были рассмотрены некоторые аспекты философско-правового регулирования индийского общества [1; 2; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10]. Обратимся к формально-деонтологическому уровню функционирования социальных регулятивов Древней Индии или системе норм, основанных на дхармашастрах; проведем анализ некоторых положений дхармашастр; приведем примеры из сакральных текстов, иллюстрирующие решение социально-правовых конфликтов на основании принципов дхармы.

В данной работе приводится авторский анализ структуры и контекста одного казуса («Наказание Ашваттхамы»). В соответствии с герменевтическим методом основой данного казуса является ведантистско-правовая диалектика, которая позволяет рассматривать казус на протяжении целой главы 7 первой книги Бхагавата-пураны и целой главы Сауптика-парва («Книга об убийении спящих») Махабхараты.

Рассмотрим пример практики разрешения социального конфликта в древнеиндийском обществе на основе норм дхармашастр. Данный отрезок из сюжета пураны можно рассматривать в качестве социально-регулятивного архетипа, проявляющегося в мифологических и религиозных символах, образах правосудия, власти, определяющих регулятивные установки. Архетипы являются основой представлений человека о должной социальной и морально-нравственной действительности.

Уровень морально-нравственной культуры общества особенно ярко рас-

крывается при анализе социальных конфликтов. Эпизоды исторических эпосов Древней Индии послужат основой для анализа, благодаря этому представляется возможным составить представление о культуре, мировоззрении, менталитете, зафиксированном в древнеиндийских текстах, являющихся источниками данного исследования.

Основной предмет общественного конфликта – морально-нравственные принципы и нормы. Эпизод, выбранный для анализа, содержится в концентрированном изложении в Бхагавата-пуране (1.7. 12 – 58). В нем герой Арджуна ловит Ашваттхаму – убийцу собственных пятерых сыновей. В этот момент Кришна, которого Арджуна признал в качестве своего духовного учителя, приводит Арджуне аргументы в пользу немедленной казни Ашваттхамы:

1. Ашваттхама не брахман, а брахмабандху (родственник брахмана, т. е. человек, имеющий кровное родство с брахманами, но не обладающий соответствующей квалификацией). Соответственно к Ашваттхаме можно применить максимальное наказание.

2. Ашваттхама убил пятерых невинных юношей, когда они спали. Это противоречит всем принципам дхармы, в соответствии с которыми нельзя убивать врага, застигнутого врасплох, пьяного, безумного, спящего, испуганного или лишившегося своей колесницы, а также ребенка, женщину, глупого или сдавшегося. Поэтому он агрессор и заслуживает казни.

3. В соответствии с законами кармы смертная казнь убийце – самое мягкое наказание, освобождающее его

от совершенного греха и избавляющее от необходимости страдать за содеянное в следующих жизнях.

4. Кришна напоминает об устном обещании Арджуны супруге Драупади принести голову Ашваттхамы.

5. Ашваттхама убил родного сына Арджуны и четырех его племянников.

6. Своим поступком Ашваттхама принес зло не только Пандавам, но и Кауравам, поэтому его господин Дурьодхана остался им недоволен.

Несмотря на весомые аргументы и прямое наставление гуру, Арджуна приезжает в лагерь со связанным Ашваттхамой и предоставляет жене Драупади решать судьбу убийцы. Драупади, видя убийцу пятерых своих сыновей, кланяется ему, оказывая почтение, которое надлежит оказывать брахману. Обращаясь к Арджуне, она требует освободить Ашваттхаму. В подтверждение своей просьбы Драупади приводит следующие аргументы:

1. Необходимо освободить Ашваттхаму, так как он духовный наставник, брахман.

2. Ашваттхама – сын Дроны, благодаря которому Арджуна постиг военное искусство.

3. Крипи, мать Ашваттхамы, пережила смерть супруга Дроны, но она не выживет после смерти сына и совершит обряд сати (вхождения в огонь).

4. Не стоит причинять горе прославленному роду. Культурный человек (ария) очень осторожен в отношениях с членами почтенного семейства,

так как достаточно малейшего оскорбления, чтобы навлечь беду.

5. Драупади уже испытывала боль потери сыновей и не хотела, чтобы Крипи пережила ту же боль.

6. Кшатрии не должны оскорблять брахманов, огонь гнева брахманов испепелит всех членов семьи.

Современность Махабхараты, её историчность и масштаб среди других священных текстов достигаются в том числе за счёт прорисовки множества образов, диалогов, сюжетов, их связанности в единую канву повествования.

Историчность Рамаяны и Махабхараты не признаётся критическими исследованиями, однако в них находят протомифы, древние легенды, обрамлённые брахманской моралью, вишнуитской философией и литературными тропами [17].

Рамаяна и Махабхарата до сих пор волнуют социальное воображение и стимулируют на новые аскетические подвиги миллионы людей по всей Азии. Гораздо более скромное этическое место занимают персонажи средиземноморской, скандинавской, китайской, японской мифологии, ставшие символами коммерческо-развлекательного мультiversума Марвела и иных продюсеров. За суперзлодеями, супергероями, магией, мутантами скрываются простые авраамические этические линии. Рамаяна и Махабхарата нагружены полярностью, антиномиями. Более того, усложнение эпоса от Рамаяны к Махабхарате отражает процессы древнеиндийской урбанизации, отягощённой миграцией, глобализацией, социальным расслоением и запросом на социальную справедливость.

Реалистичность индийским эпосам придаёт детализация. Чего только мы не узнаем из этих ведических энциклопедий, стилизованных под эпос: мир женщины в патриархальном мире, детали потребления высшего класса, кастовые различия, космогонию, описание оружия и битв, флору и фауну индийского субконтинента, этносы и географию [13; 14; 15; 16].

В. В. Семенцов предлагал посмотреть на брахманическую прозу глазами ритуала и увидеть в священном тексте разные закодированные функции жрецов – певцов и оглашателей, ритуалистов и судей, священников и псаломщиков. Индолог также усматривает в памятниках религиозной мысли полилог традиций, полемику сект [5].

Философско-правовые диалоги вокруг Ашваттхамы построены так, чтобы обострить драматизм ситуации, показать, как чисто человеческий вопрос будоражит всю антиномию брахманских догм, что даже напоминает буддийский мотив ниспровержения кастовой мудрости. Так, царь Юдхиштхира, старший брат Арджуны, полностью согласился с доводами царицы, постановив, что они:

а) соответствовали принципам священного закона (дхармьям) (аргумент 1). С точки зрения дхармашастр Ашваттхама не справился с обязанностями брахмана, поэтому фактически он не мог являться духовным наставником для Пандавов. Возникает вопрос: почему знаток дхармы махараджа (царь) Юдхиштхира принимает данный аргумент? Ответ можно получить, обратившись к соотношению уровней сознания и отношению к

дхарме. Как правило, дхармашастры, к которым апеллировал Кришна, соответствуют уровню мано-майя, для которого характерно следование дхарме из чувства долга. Тогда как в поведении Драупади проявляется более высокий уровень сознания – вигьяна-майя, для которого характерно спонтанное, естественное следование священному закону, который стал частью внутренней природы. Человек лишен собственнических притязаний, для него не существует разделения на друзей и врагов. Поведение Драупади – пример данного уровня. Очевидно, что она не считает Ашваттхаму своим врагом, иначе она не поклонилась бы ему и не просила Арджуну помиловать и отпустить его. Это пример высшей дхармы, которую признал махараджа Юдхиштхира;

б) справедливы (логичны) (аргумент 2). Драупади указывает на то, что несправедливо убивать сына своего гуру, который является одним из отцов человека. Драупади мысленно задает вопрос Арджуне: «В убийстве Ашваттхамы проявится твоя благодарность к его отцу? Это логично?»;

в) гуманны (аргумент 3). В соответствии с дхармашастрами старший сын вдовы является представителем ее покойного мужа. Гуманно ли убивать его, обрекая Крипи на одиночество и добровольную смерть?;

г) милосердны (аргумент 4);

д) беспристрастны (аргумент 5);

е) похвальны, продиктованы желанием оказать должное почтение великой семье (аргумент 6).

Практически все присутствовавшие (младшие братья царя, приближенные, Арджуна, Кришна, жен-

щины) единодушно согласились с царем, за исключением Бхимы, одного из пяти братьев Пандавов, который потребовал казни преступника. Кришна обращается к Арджуне с требованием выполнить желания и Драупади, и Бхимы одновременно, что ещё раз подтверждает его архетип трикстера (ловкача), медиатора. Кришна в Махабхарате действует незаметно, неаппаратно, но эффективно. Он не занимает внешне важных постов, не имеет большой армии, но приводит Пандавов к победе, подсказывая нетривиальные решения, которые порой нарушают сложившуюся ведическую дхарму [11, р. 7 – 14].

В соответствии со священным законом брахмабандху (друга брахмана) убивать нельзя, но если он агрессор, это необходимо сделать. Арджуна осознает, что Кришна требует от него, отдавая двусмысленные приказы, и срезает своим мечом волосы и драгоценный камень с головы Ашваттхамы, отчего он теряет все свои силы. Ашваттхаму развязывают и с позором выгоняют прочь. В соответствии с шастрами срезать волосы с головы, лишиться богатства и изгнать из собственного дома – наказания, которым предписано подвергать родственника брахмана. Смертная казнь не входит в их число.

В случае конфликта между текстами смрити используются логические правила школы мимамсы. В тексте Ману самхиты (3.381) категорически запрещено убийство брахмана. В другом тексте (3.35) разрешается убийство брахмана в качестве самозащиты в случае, если он является губителем. В связи с этим Ягьявалка смри-

ти (2.21) провозглашает, что в случае конфликта между двумя текстами смрити решение принимается в соответствии со здравым смыслом.

Также вызывает интерес вопрос спора между смрити и принятым этикетом (садачаром), на чей счет в шастрах высказываются разные мнения. Например, Ягьявалка (3.250) указывает, что предписанию текста смрити необходимо следовать до тех пор, пока он не противоречит принятой практике. Тут же мысль высказывает Ману (4.176). Безусловно, авторы были толерантны и руководствовались здравым смыслом [12, р. 3]. Ягьявалка смрити (2.21) указывает, что в случае конфликта между двумя текстами смрити необходимо использовать принцип логики, основываясь на практике. В данном случае практика означает применение мудрости и знаний. Конфликт может возникнуть в любом из следующих случаев. Один текст может описывать общее правило, а другой описывать особый случай, отменяющий предыдущее положение, или тексты могут описывать различные обстоятельства. Решение, какой из текстов применять, делают старейшины, или шишты. Аналогичный источник социальной справедливости существует и в других традиционных обществах: старейшины, аксакалы, религиозные авторитеты (иджма).

Заключение. Индия – страна с богатыми традициями. Процесс ее модернизации начался во время британского колониального периода и с тех пор перешёл в фазу естественной эволюции. Социальные проблемы, такие как язык, каста и религия, не могли найти решения из-за конкуренции по-

литических групп, способных влиять на социальные преобразования и единство национального государства. Кастовые и межрелигиозные конфликты, этнорелигиозный энтузиазм индусов, политическая деятельность националистической партии «Бхаратия Джаната» – все эти факторы делают традиционные элементы в процессе политической модернизации Индии актуальными.

Традиционная регулятивная система древнеиндийского общества в силу ее специфических особенностей является чрезвычайно сложным объектом для изучения, в особенности для западного исследователя, находящегося вне исторического и культурного контекста. Среди отличительных характеристик регулятивной системы Древней Индии можно выделить следующие:

- объединение представлений о морали, законе, религии, принципах мироустройства в рамках универсального понятия дхармы, сквозной нитью проходящего через все уровни древнеиндийской регулятивной системы;

- уникальная форма государственного устройства и социальной концепции, имеющей под собой идеологические принципы, сформированные на базе сакральных древнеиндийских текстов;

- сложность интерпретации источников регулятивных норм, написанных на санскрите и имеющих своеобразную логику построения, отличающуюся от стандартов западной научной мысли.

Учитывая вышеперечисленные факторы, сформирован методологический инструментарий, основой которого

является метод герменевтики. Источники регулятивных норм, написанные на санскрите, проанализированы с использованием принципа «самоистолкования традиции», подразумевающего обращение к работам традиционных комментаторов Древней Индии.

Для анализа социальной системы были исследованы источники регулятивных норм, которые в своей совокупности описывают каждый из ее уровней. Выбранные источники права должны соответствовать следующим критериям: являться сохранившимися полноценными текстами; быть признанными традиционными комментаторами и самими писаниями; их содержание должно охватывать все три социальные системы; данные тексты между собой должны иметь текстуальную и смысловую взаимосвязь. Вышеперечисленным требованиям соответствуют Бхагавата пурана, Бхагавад гита, Ману самхита, Махабхарата.

Интерес представляет механизм трансформации философско-мировоззренческих конструкций Вед в социальные принципы древнеиндийского общества. Его сутью является взаимозависимость уровней психического развития человека (в частности, уровня общественного сознания), обусловленных различными грубыми и тонкими материальными оболочками и персонифицированными предписаниями дхармы. Можно выделить положения, описывающие социальное устройство древнеиндийского общества. Перечислим некоторые из них:

- консолидирующая идея (ягья – принцип всеобщего служения, самоотречения ради блага других), с одной стороны, объединила всех членов об-

щества вне социального статуса, а с другой – служила для каждого члена социума гарантией достижения двух главных целей жизни: духовного прогресса, приводящего к освобождению (мокша) и материального процветания (праसाвишьядхам);

– основой социального статуса индивида в древнеиндийском обществе является положение в системе варнашрамы, характеризующееся принадлежностью к одной из четырех социальных групп и укладов жизни;

– одна из особенностей социальной концепции варнашрамы – универсализация регулятивных норм на аксиологической основе: любой, кто принимает религиозно-нравственные ценности данного сообщества, вовлекается в соответствующие социальные отношения;

– доказано, что принадлежность к одной из четырех социальных групп в рамках варнашрамы определяется по качествам индивида (гуна-карма), а не по рождению (джати).

В работе показано значение норм Ману самхиты в качестве примера текста дхармашастры, а также произведен ее структурный анализ, иллюстрирующий внутреннюю логику текста и его взаимосвязь с предыдущими смысловыми уровнями общественной системы. Было установлено, что текст дхармашастры реализует на практике регулятивные идеи в форме религиозных норм, выражающихся в предписаниях и запретах. Выдвинута следующая гипотеза. Нормы дхармашастры основываются на представлении о том, что каждая личность по своему онтологическому статусу обладает совершенным пониманием священного за-

кона, и разрешительные, и запретительные указания закона призваны помочь ей (личности) возродить данное понимание. Методы решения общественного конфликта являются показателями уровня развития сознания общества. Выявлено, что существенный фактор, определяющий стабильность древнеиндийского общества – это принцип примирения конфликтующих сторон (как индивидов, так и страт) на основе принципов священного закона, а не его формальных предписаниях, что подразумевает попытку найти сущностную, ценностную основу права и реализовать ее в конкретных обстоятельствах. Ценность такой модели заключается в возможности проведения транскультурной аналогии. Российская модель общества нуждается в таких моральных регуляторах, которые должны быть универсальными, надрелигиозными и эффективными. Возможно, такая модель может быть получена через взаимодействие коллективных субъектов и этических элит России. Результаты исследования актуальны для современного состояния российского общества. На основании изучения традиционных общественных регуляторов Древней Индии можно выработать следующие рекомендации:

1) религия является мощной основой социального порядка и устойчивого развития только при условии равноудалённости государства от всех религиозных институтов и сообществ;

2) мораль, даже если она имеет своим происхождение религию, в государственно-общественных отношениях должна функционировать как отчуждённая от религии, секуляризованная; именно тогда религиозные

принципы нравственности могут иметь универсальную силу, когда они постулируются как общечеловеческие;

3) в современном обществе посредником между религиозной моралью, обществом и государством должно играть гуманитарное образование, особенно такие дисциплины, как философия, культурология, религиоведение, связи с общественностью, социология.

Не менее важны и теоретические выводы: системы традиционного регу-

лирования древних обществ не могут служить источником аналогизирующего познания. Лишь при прагматичном переосмыслении они могут быть добавлены как референтные системы значений. Проведённое исследование модели социального регулирования не позволяет сделать вывод, что «история повторяется» и что «можно учиться на истории». Скорее, история и общество – это динамические разнородные эстафеты, где совпадение происходит лишь в нашем сознании.

Библиографические ссылки

1. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 1. С. 3 – 6.
2. Маринчев Н. В. Некоторые особенности традиционной правовой системы Древней Индии // Вестник ВЮИ ФСИН. 2010. № 1 (14). С. 193 – 195.
3. Маринчев Н. В. Философско-теологические основы правосознания в традиционной правовой системе Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4. С. 282 – 286.
4. Маринчев Н. В., Тимощук А. С. Основания правовой идеологии Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 280 – 281.
5. Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы: ритуальный символизм. М. : Наука, 1981. 179 с.
6. Тимощук А. С. Дхарма как мирская религия и эстетико-трансцендентное означающее // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 1 (31). С. 80 – 89.
7. Тимощук А. С. Социально-правовая концептуализация индуизма // Там же. 2022. № 4 (32). С. 73 – 81.
8. Тимощук А. С. Диалектика ценностно-смыслового и нормативного в текстах индуизма // Там же. 2022. № 3 (35). С. 85 – 94.
9. Тимощук А. С. Идеационные конструкторы правогагенеза индуизма // Там же. 2023. № 1 (37). С. 94 – 102.
10. Тимощук А. С. Государственно-правовая идеология Древней Индии как протоправо // Там же. 2023. № 2 (38). С. 66 – 78.
11. Benerji S. A brief history of Dharmasastra. New Delhi, 1999. 400 p.
12. Banerji S. Society in Ancient India. D.K. Printworld, 1997. 423 p.

13. Held G. The Mahābhārata: an Ethnological Study. London : Kegan Paul, 1935. 348 p.
14. Moti Ch. Geographical and economic studies in the Mahābhārata: Upāyana parva. Lucknow, U. P. Historical Society, 1945. 143 p.
15. Ravi J. The Geography of Ramayana. Notion Press, 2023. 456 p.
16. Ravi J. The Geography of Mahabharata: Vol. 1: A Geographical Journey into the Pandava-Era. Notion Press, 2024. 378 p.
17. Sen S. The Ramayana: Its Origin, Authorship and Early Development // Indian Literature. Vol. 19. № 3 (May-June 1976). P. 122 – 130.

A. S. Timoshchuk, O. V. Zaharova

**TRADITIONAL REGULATORY SYSTEM OF ANCIENT INDIAN SOCIETY:
MYTHOPOESIS AND CONTEST OF NARRATIVES**

India's dynamic economic growth over the past three decades has helped lift millions of people out of poverty. A country with one of the world's leading economies in terms of purchasing power parity. The development of India has important implications for the world, as it has a significant impact on both the globe and the region in which it is located. India, like China and Iran, has development potential. Despite the fact that these civilizations have existed for thousands of years, their resources have not yet been exhausted. And this is largely due to their traditions and conservative attitude towards change. A healthy, stable and dynamic social system should select what to broadcast into the future and what to leave in the past. The beneficial principles of religion, family education, and spiritual practices are also necessary to support sustainability and inclusive green growth.

Keywords: dharma, samsara, karma, caste, Hindu proto-law, Vedic conceptual sphere, Indian thinking, Vedic eidetics, Vedic ideology, Vedic ideology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛИЖИНСКИЙ Сергей Сергеевич – магистрант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва
smeln2@yandex.ru

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
mrooskv@gmail.com

ИБРАГИМОВА Эльвира Федиковна – аспирант кафедры истории,
археологии и краеведения Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир
vikamariya18@mail.ru

КОВАЛЕНКО Николай Сергеевич – аспирант кафедры отечественной
и всеобщей истории Армавирского государственного педагогического
университета
методист Армавирского краеведческого музея, г. Армавир
kolya.kovalenko.99@list.ru

КОЖЕВНИКОВ Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук
начальник отдела публикаций Дирекции изучения истории МПГУ
Московского педагогического государственного университета, г. Москва
alekseyk16@yandex.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир
liutaeva@yandex.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент
зав. кафедрой частноправовых дисциплин Владимирского юридического
института ФСИН России, г. Владимир
Lyapanov@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

СУЛОЕВ Иван Николаевич – кандидат исторических наук
старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных предметов
и коллекций Костромского государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника, г. Кострома
iwdoroga@mail.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru